

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Николенкова Наталья Владимировна

**Лингвистические особенности ученого регистра церковнославянского
языка второй половины XVII в.
(на материале Атласа Блау)**

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Москва – 2025

Диссертация выполнена на кафедре русского языка филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Официальные оппоненты: Изотов Андрей Иванович

доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», филологический факультет, кафедра славянской филологии, профессор

Мольков Георгий Анатольевич

доктор филологических наук, ФГБУН «Институт лингвистических исследований Российской академии наук», отдел русской исторической лексикологии и лексикографии, ведущий научный сотрудник

Николаева Наталия Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Казанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ, заведующий кафедрой латинского языка и медицинской терминологии

Защита диссертации состоится «8» октября 2025 г. в 17 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.059.1 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991 ГМП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

E-mail: sovets@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3465>.

Автореферат разослан «___» _____ 2025 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук

Е. А. Кузьмина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В XVI–XVII вв. в русском обществе формируется устойчивый интерес к сочинениям космографического (географического) содержания. Этим во многом обусловлен тот факт, что в 50-е гг. XVII в. по поручению патриарха Никона приобретается многотомный Атлас, который специалистами по картографии называется самым серьезным географической работой этого времени. Это труд голландских картографов первой половины XVII в. Виллема и Яна (Вильгельма и Иоанна) Блау *Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus*¹; 4-томное издание, оказавшееся в Москве, датируется 1645–1650 гг. Перевод всех томов под общим названием **Позорище всеа вселенныа или Атласъ новый въ немже начертаніа и описаніа всѣхъ странъ издана сътъ** (название на титульном листе рукописи ГИМ Син. 19) осуществляется в Чудовом монастыре выдающимся филологом своего времени Епифанием Славинецким совместно с Арсением Сатановским и книжником Исайей. Язык этого сочинения еще в XIX в. был выделен среди других переводов космографий и определен А.И. Соболевским как «ученый церковнославянский»².

Актуальность диссертационной работы связана с необходимостью включить Атлас Блау в лингвистический оборот как ценный источник данных о церковнославянском языке второй половины XVII в., определить место памятника в истории русского литературного языка этого периода; выявить те языковые особенности, которые отражают черты ученого церковнославянского языка. Исследование перевода дает возможность расширить представления о характере работы книжников школы Епифания Славинецкого на раннем этапе их деятельности, а также определить лингвистические особенности Атласа Блау в сопоставлении с переводами других космографических сочинений, осуществленных в Московской Руси.

Степень научной разработанности проблемы. Еще в XIX в. начинается изучение переводов космографий и их публикация: фрагменты некоторых сочинений в рамках своих изысканий о хронографах в 1869 г. публикует А.Н. Попов; в 1878–1881 г. Общество Любителей Древней письменности издает

¹ *Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum. Editae a Guiljele et Ioanne Blaeu. Amsterdami. Anno 1645*; URL: <http://bdh-rd.bne.es/>.

² *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903. С. 60–63. Им использовано название «Большой атлас Блеу», сегодня принято написание «Блау».

Космографию 1670 г. с исследованием Николая Чарыкова, видного дипломата и признанного историка. В XX в. интерес к переводным сочинениям географического и астрономического содержания проявляют историки науки (Б.Е. Райков, Т. Райнов), авторы работ по истории книжности приводят списки научной литературы географического содержания, которые были известны среди образованных людей XVII в. (С.П. Луппов), рассматривается история переводов космографий (А.В. Барандеев, О.А. Белоброва). Много внимания таким сочинениям уделяет в своих работах советский историк Н.А. Казакова, ей принадлежит статья, посвященная Атласу Блау³. Лингвистическое изучение космографий в XX в. связано в первую очередь с исследованиями С.М. Глускиной сделанного в Москве в 1637 г. переложения Космографии Меркатора. В настоящее время большую работу по изучению переводных космографий ведут историки О.Е. Кошелева и Н.А. Болдырева, которая является автором последнего большого исследования, посвященного одному из томов Атласа Блау⁴.

Теоретической базой диссертации стали работы А.И. Соболевского, В.В. Виноградова, А.М. Панченко, Б.А. Успенского, В.М. Живова, А.М. Камчатнова, Н.Н. Запольской, Т.А. Исаченко, М.А. Бобрик об истории русского литературного языка, рассматривающие период второй половины XVII в. как последний этап функционирования церковнославянского языка в качестве литературного, фиксирующие внимание на отдельных памятниках, книжниках и произведениях этого периода, описывающие своеобразие языковых черт этой эпохи. Особую роль в формировании теоретической базы диссертации сыграли работы, в которых анализируются лингвистические и источниковедческие аспекты, связанные с разными переводами книжников чудовской школы и трудов Епифания Славинецкого: таковы труды В.В. Нимчука и издание им латинско-славянского и славяно-латинского лексиконов Славинецкого и Сатановского; Т.А. Исаченко и издание ею перевода Нового Завета, работа над которым стала одной из последних для Славинецкого; Т.В. Пентковской, рассмотревшей лингвистические и источниковедческие аспекты перевода аргументов Апостола и Апокалипсиса Нового Завета, «Слова

³ Казакова Н.А. Русский перевод XVII в. труда Блау «Theatrum orbis terrarum sive Atlas novus» // Вспомогательные исторические дисциплины. Т.17. 1987. С. 161–178.

⁴ Болдырева Н.А. Историко-географический трактат Уильяма Кемдена «Британия» в русских переводах XVII в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2020. 354 с.

о милости». Т.В. Пентковской и Е.А. Кузьминовой ведется работа по изучению редакции Московской Библии 1663 г. в соотношении с грамматическими и лексикографическими трудами XVII в. Изучению «Епитомий» Константина Арменопула и работе чудовских книжников над этим текстом посвящено исследование Е.В. Ивановой; переводы «Богословия» Иоанна Дамаскина рассматриваются в многочисленных работах Н.Г. Николаевой. Лингвистическому изучению латино-славянского и славяно-латинского лексиконов посвящены статьи А.И. Бовсуновской. Переводческую деятельность русских книжников рассматривают как уже упомянутые исследователи, так и А.А. Пичхадзе, И.А. Подтергера, И.В. Вернер; вопросы перевода с латинского поднимаются И.В. Вернер, К.А. Максимовичем, Н.А. Зяблицыной, В.В. Калугиным, В.А. Ромодановской. Многие частные лингвистические вопросы, к которым мы обращаемся в диссертации, изучены Г.А. Богатовой, В.Г. Демьяновым, О.Ф. Жолобовым, В.Б. Крысько, С.М. Кусмауль, Г.А. Мольковым, И. Майер, Г.А. Николаевым, М.Л. Ремневой и другими современными исследователями. Язык космографии 1637 г. проанализирован в диссертации и в статьях С.М. Глускиной, на некоторые аспекты языка переводных космографий указывают А.А. Зализняк и В.М. Живов.

Лингвистического исследования Атласа Блау до настоящего времени проведено не было, хотя с середины XIX в. сочинение всегда фигурирует в трудах, посвященных деятельности Славинецкого и его соратников, и в общих описаниях времени патриарха Никона.

Наше исследование Атласа Блау является первым и единственным на сегодняшний день лингвистическим описанием памятника, опубликованные статьи и сделанные доклады легли в основу настоящей диссертационной работы.

Объектом исследования стал перевод Атласа Блау в объеме сохранившихся рукописных источников.

Предметом нашего исследования будет реконструкция работы над переводом Атласа Блау, а также лексические, грамматические и орфографические его особенности.

Целями настоящей работы стали:

1. На материале исследованного памятника письменности доказать, что в 50-е гг. XVII в., в период, непосредственно предшествовавший книжной справе, начинается формирование нового регистра в системе церковнославянского

языка; показать, что перевод Атласа Блау представляет собой первый этап формирования «ученого» регистра, когда книжники ищут пути обработки, пробуют разные способы совершенствования книжного языка; определить характер отношения «ученого» регистра к стандартному и гибриднему регистрам церковнославянского языка.

2. Охарактеризовать лингвистические параметры «ученого» регистра, опираясь на гипотезу о грамматической ориентации таких текстов; определить степень ориентации перевода на грамматики церковнославянского языка, в частности на московское издание грамматики 1648 г.; а также на лексикографические источники.

3. Сопоставить лингвистические стратегии переводчиков Атласа Блау с некоторыми выявленными особенностями жанрово схожих сочинений, ориентированных на другие регистры письменного языка XVII в.

Нами будет показано, что Атлас Блау переводился именно как научное сочинение, без сокращений и купюр, поэтому был первым географическим, астрономическим (а частично историческим и даже лингвистическим) трактатом, с которым имели шанс познакомиться русские грамотные люди. Научный характер текста определил стратегию перевода и ориентацию на «ученый» регистр.

Задачами исследования стали следующие:

1. Реконструировать этапы работы Епифания Славинецкого, Арсения Сатановского и Исаяи над переводом Атласа, в том числе предложить проведение определенного рода «ученой» дискуссии, итоги которой стали толчком для формирования ученого регистра.

2. На основе сопоставления лексических особенностей разных томов перевода обосновать собственную гипотезу о времени и о характере работы над текстом Атласа Блау.

3. Определить степень отношения каждого из переводчиков Атласа Блау к формированию языковых особенностей перевода.

4. Выявить морфологические и синтаксические параметры ученого регистра и характер ориентации на церковнославянские грамматики и стандартный регистр церковнославянского языка.

5. Установить особенности формирования лексической структуры перевода; сопоставить подходы переводчиков к выбору лексики; показать характер и объемы индивидуально-авторского словотворчества переводчиков.

6. На материале перевода с латинского языка показать степень грецизации текста на разных уровнях его организации; уточняя и конкретизируя данное в науке определение книжников Чудовской школы как грекофилов.

7. Описать орфографические черты беловиков двух томов как отражающие ученый регистр, ориентацию на грамматику и тенденцию к применению новых, не используемых ранее в церковнославянском языке правил правописания.

8. отметить в одном из самых ранних переводов Чудовской книжной школы черты, которые станут позднее неотъемлемыми для других переводов книжников, относящихся к Чудовской школе.

Материалом работы стали сохранившиеся в рукописях Синодального собрания Государственного исторического музея г. Москвы переводы трех томов Атласа в черновых и беловых вариантах (50–60-е гг. XVII в.): *Син.779* (черновик, автограф Епифания Славинецкого), 605 л.; *Син.19* (беловик рукописи Син.779), 306 л.; *Син.781* (черновик, автограф Арсения Сатановского), 422 л.; *Син.112* (беловик рукописи Син.781), 277 л.; *Син.780* (черновик, автограф Исая), 650 л.; *Син.204* (беловик рукописи Син.780), 522 л.; а также хранящиеся в разных собраниях списки начальной части первого тома «Введение в Космографию»: ГИМ *Син. 642*, сборник 2 пол. XVII в.; Российская национальная библиотека *Q.XVII.31*, сборник кон. XVII в.; Российская национальная библиотека *Q.XVII.6*, сборник кон. XVII в.; Российская национальная библиотека *Соф. 1510*, сборник кон. XVII в.; Российская государственная библиотека *ф. 722 № 315*, сборник кон. XVII – нач. XVIII в.

В работе применены такие **методы исследования**, как лингвотекстологический, метод сплошной выборки, аналитического наблюдения и сопоставления текста с иноязычным оригиналом.

Научная новизна проведенного исследования состоит, во-первых, во введении в научный оборот источника, который не был предметом лингвистического исследования; во-вторых, в доказательстве необходимости использования лингвистических данных для понимания истории этого перевода; в-третьих, в определении и научном обосновании использования характеристики «ученый регистр» церковнославянского языка для описания текстов научного

содержания на начальном этапе их появления. Гипотезу о формировании в рамках книжно-письменного языка второй половины XVII в. «ученого регистра» предложил в монографии «История языка русской письменности» (2017 г.) В.М. Живов, однако им были лишь намечены некоторые его черты.

Теоретическая значимость работы заключается в обосновании и определении основных параметров ученого регистра церковнославянского языка на начальном этапе его формирования в период, предшествующий книжной справе второй половины XVII в. Проведенное на новом, не исследованном лингвистами материале исследование уточняет языковые параметры ученого регистра и его особенности на фоне стандартного регистра; а также расширяет имеющиеся знания о книжной деятельности Епифания Славинецкого и Чудовской книжной школы второй половины XVII в. и степени влияния ее на историю русского литературного языка этого заключительного этапа существования церковнославянского как русского литературного.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать полученные результаты при создании монографий и учебных пособий по истории русского литературного языка и переводоведению, при разработке специальных лекционных курсов по истории книжности второй половины XVII в. и по раннему этапу формирования научного языка. Большое число индивидуально-авторских неологизмов, выявленных в переводе, могут быть использованы в качестве дополнений к историческим словарям; модели создания этих неологизмов могут привлекаться к исследованиям в области исторического словообразования. Материалы исследования могут лечь в основу научного издания отдельных частей Атласа, при создании которых отец и сын Блау использовали античные и средневековые сочинения, в составе Атласа впервые попавшие в Московскую Русь.

Положения, выносимые на защиту.

1. Перевод Атласа Блау был осуществлен в период с 1652 по 1660 гг.; основной этап работы над текстом приходится на 1652–1653 гг., когда работа над I и II томами проводилась совместно Епифанием Славинецким и Арсением Сатановским, которые вырабатывали общие принципы передачи латинского оригинала. Третий переводчик, Исая, приступил к работе позже, работал самостоятельно и следовал только некоторым из этих принципов, причем непоследовательно. Предлагаемая нами гипотеза об этапах работы над

переводом Атласа Блау, уточняющая информацию о времени и характере работы над текстом, базируется сугубо на лингвистических характеристиках текста.

2. Предварительным этапом перевода географического сочинения была работа над вступлением («Введение в Космографию»), в процессе этой работы Славинецкий и Сатановский приняли решение о корректировке первоначальной стратегии. Мы предполагаем обсуждение и «ученую» дискуссию между переводчиками и грамотным московским писцом, впоследствии работающим над созданием беловиков. Списки астрономической части, сохранившиеся до нашего времени, были сделаны с утраченного позднее черновика без привлечения латинского оригинала и доказывают определенные изменения в подходах, связанные с пониманием научного характера Атласа Блау и решением противопоставить его уже переведенным космографиям, что обусловило отказ от первоначальной ориентации на гибридный регистр церковнославянского языка.

3. Для характеристики лингвистических особенностей перевода мы считаем возможным использовать предложенный В.М. Живовым термин «ученый регистр» церковнославянского языка. Перевод Атласа Блау становится первым, начальным этапом формирования «ученого регистра», но не относится к «языку науки»: переводчики выступают как ученые-филологи, не будучи представителями естественно-научных областей, затронутых Атласом (география, астрономия, частично биология).

4. Грамматическая структура перевода строится на понимании принципов морфологической и синтаксической организации церковнославянского языка стандартного регистра, однако нельзя говорить о точном следовании кодифицированным в грамматиках нормам. Переводчики продолжают поиски решений, начатых при редактировании югозападнорусского издания грамматики Мелетия Смотрицкого московскими издателями, в некоторых зонах следуя уже отразившейся в московском издании тенденции к снятию вариативности и к унификации, осуществляя более строгий отбор грамматических средств. Многие грамматические решения переводчиков отражены позднее в книжной справе, проводимой патриархом Никоном; зафиксированы они и в переводах и сочинениях других представителей Чудовской книжной школы. Ориентация на стандартный регистр связывается с характером их образования, основанного на

системе свободных искусств, языком которых выступает церковнославянский язык.

5. Инновационный подход к переводу обнаруживается прежде всего в его лексической структуре. Ученый регистр дал возможность ввести в язык новую лексику не только греческого, но и латинского происхождения; широко использовать принцип создания композитов, причем не только калек; в Атласе представлено большое число индивидуально-авторских образований; переводчики активно используют редкие церковнославянские лексические единицы, расширяя семантику последних. Югозападнорусское происхождение переводчиков отражается в использовании регионализмов, некоторые из которых входят в церковнославянский язык второй половины XVII в. При этом значительная часть введенных регионализмов основана на лексикографическом труде – лексиконе Памвы Берынды, то есть зафиксирована в тексте «ученого» содержания. Все эти компоненты лексической составляющей перевода позволяют книжникам проявить собственную образованность («ученость») и демонстрируют их отношение к механизмам ученой филологической обработки нового по содержанию текста.

6. Сопоставление перевода Атласа Блау и созданных ранее Славинецким и Сатановским лексиконов показывает изменение первоначального подхода авторов к передаче латинской лексики: предложенные в латино-славянском лексиконе словосочетания в церковнославянском тексте Атласа трансформируются в единое слово; субстантивированные прилагательные суффиксальными средствами трансформируются в существительные; книжники усложняют прежние стратегии, стремятся к использованию маркировано книжных элементов и для корневых, и для аффиксальных морфем.

7. Анализ географической и астрономической лексики позволяет утверждать, что принципы формирования научной терминологии заложены не в языке М.В. Ломоносова, а за 100 лет до него Славинецким и Сатановским. Этими принципами стали: перевод слова или словосочетания (*зрительная трубка, круг земной*), калькирование (*солнцестояние*), заимствование (*сфера, тропик, архипелаг*). В исследованном источнике зафиксировано значительное число терминологической лексики, которая позднее, в Петровскую эпоху и в XVIII в., станет чертой языка русской науки. Таким образом, «ученый регистр» следует считать начальным этапом формирования языка русской науки; в рамках

«ученого» регистра формируется один из признаков языка науки на следующих ступенях развития, а именно терминологичность.

8. Киевские книжники не стремятся овладеть московскими орфографическими нормами, кодифицированными Грамматикой 1648 г. и являющимися логичным итогом развития орфографических поисков предшествующего периода церковнославянской книжности. Задача соответствия канонам орфографии стоит перед московским писцом первых двух томов. Выбор грамотного писца связан с необходимостью отражения в научном тексте нормативных написаний, соотносящих перевод географического труда с авторитетным для грамотных читателей изданием.

9. Совместная ученая работа переводчиков и писца отражена в введении двух правил и строгом следовании им: во-первых, это правило написания прописных букв, сформулированное грамматиками, но не востребованное церковнославянским языком стандартного регистра; во-вторых, правило транслитерации имен собственных, впервые предполагающее единообразный подход ко всему массиву латинского оригинала, в котором использованы также написания онимов на европейских языках.

10. Проведенное исследование перевода с латинского источника подтверждает принадлежность переводчиков (в первую очередь Епифания Славинецкого и Арсения Сатановского) к кругу грекофилов, что отражается на всех уровнях структуры текста – от орфографии до синтаксиса; отсутствие греческого оригинала не приводит переводчиков к отказу от ориентира на греческие модели.

Обоснованность и достоверность полученных результатов подтверждается большим объемом исследованных материалов: около 2000 листов рукописей, представляющих разные тома и списки первой части Атласа Блау, а также более 600 листов других рукописных источников второй половины XVII в.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были представлены в 35 докладах в рамках международных и всероссийских научных конференций, среди которых: XV Международный съезд славистов (Минск, Беларусь, 2013); Международная конференция «Перевод как средство взаимодействия культур» (Краковский педагогический университет, Польша, 2015); XLVI Международная филологическая научная

конференция (СПбГУ, Санкт-Петербург, 2017); Международная научная конференция «Славянский мир: язык, литература, культура» (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, 2018); Всероссийская научная конференция с международным участием «Московская Библия 1663 г. и развитие библейской традиции у славян» (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, 2023); XXXVI чтения памяти Л.Л. Кутиной и Ю.С. Сорокина (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, 2024).

По теме диссертации опубликовано 36 статей общим объемом 25 п.л., в том числе 16 статей (объемом 12,3 п.л.) в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных диссертационным советом МГУ имени М. В. Ломоносова.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и списка источников, литературы и словарей.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается общая характеристика работы, определяются цели и задачи диссертационного исследования, его предмет и объект, обосновывается актуальность темы, названы теоретико-методологические подходы, сформулированы выносимые на защиту основные положения, представлены сведения об апробации, теоретической и практической значимости работы, ее структуре.

Первая глава «Церковнославянский перевод Атласа Блау и его структура. Время создания перевода и особенности работы над ним» посвящена характеристике исследуемого источника и его месту в историко-культурном и языковом контекстах второй половины XVII в.

Параграф 1.1. «Церковнославянский язык второй половины XVII в. «Ученый» регистр церковнославянского языка» показывает подходы ученых (историков, культурологов, лингвистов) к специфике книжно-письменного языка Московской Руси этого периода: от утверждения об упадке и разрушении его с середины XVII в. (В.В. Виноградов) через представление о начальном этапе становления в это время ряда особенностей, актуализированных далее в XVIII в. (А.М. Панченко, Д.С. Лихачев), до предложенной В.М. Живовым в монографии 2017 г. гипотезы о формировании третьего регистра церковнославянского языка, который назван им «ученым». В.М. Живов предположил, что этому регистру

свойственны следующие признаки: грамматический, а не текстологический подход к тексту, который состоит в последовательном овладении разными уровнями грамматического учения, выстраивании иерархической дифференциации разных языковых параметров от элементарных к наиболее изоциренным. Ученый регистр делает церковнославянский «хитрейшим» языком, который становится не столько языком традиции, сколько языком «собственной учености», «овладение им требовало самозабвенного ученого труда». Этот регистр оказывается «доступен лишь ограниченной группе книжников, тогда как большинство занимающихся книжной деятельностью не только не овладевает этой премудростью, но, видимо, и вообще не знакомо с грамматическими трактатами». Возникает новое отношение к церковнославянскому языку – «как к объекту *ученого моделирования*»⁵. Эти положения послужили опорной точкой для нашего исследования.

Гипотеза В.М. Живова позволяет дать лингвистическую характеристику текстам научного содержания в тот исторический период, когда невозможно использовать определение «язык науки», поскольку переводчики Атласа Блау не были учеными, предлагающими собственные идеи географического характера, а были блестящими филологами и переводчиками. От большинства других переводчиков их отличает: 1) знание грамматической системы языка оригинала и умение сопоставлять эти знания с грамматиками церковнославянского языка; 2) восприятие географического трактата как научного текста (в *artes liberales* география входит в геометрию). Это позволяет им противопоставить свой перевод уже созданным в Московской Руси переложениям космографий. Они создают научный текст, приближенный к стандартному регистру церковнославянского языка, ориентируясь не на жанрово близкие тексты, а на рекомендации грамматик. Несакральное содержание географического сочинения делает возможным лингвистический эксперимент (моделирование) в области лексики и частично орфографии.

Перевод Атласа Блау оказывается *первым этапом создания ученого регистра* церковнославянского языка. В нашем понимании *ученый регистр* является модификацией церковнославянского языка, которая формируется в научных сочинениях несакрального содержания, опирается в грамматическом отношении на стандартный регистр книжного языка и характеризуется новым

⁵ Живов В.М. История языка русской письменности. М., 2017. С. 876, 879, 880–884.

отношением к лексической структуре текста. Ученый регистр во второй половине XVII в. будет трансформироваться в сочинениях некоторых книжников, но окончательного его формирования не произойдет: отказ от опоры на церковнославянский язык как язык науки в первой четверти XVIII в. станет отказом от ученого регистра.

В **параграфе 1.2.** мы даем сведения о латинском оригинале Атласа Блау и рассматриваем существующие **гипотезы** о времени создания текста, базирующиеся на информации о жизни Славинецкого и его работе в Москве.

Нами предлагается *собственная гипотеза*, основанная на *лингвистических* данных, собранных в процессе исследования материала. Временем перевода 1 и 2 томов мы считаем период с весны 1652 по лето 1653 гг., когда над Атласом совместно работают Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский. Сначала ими делается перевод введения к Атласу (Введение в Космографию), после чего происходит *ученая дискуссия* с участием обоих книжников и писца, который должен готовить беловые экземпляры. Лингвистическая дискуссия корректирует подходы к переводу, усиливает противопоставление языка Атласа Блау другим космографиям, в результате основной перевод 1 и 2 томов становится текстом, который представляет *первый образец ученого регистра церковнославянского языка*. Временем перевода 3 и 4 томов (авторства Исаяи) может быть период 1653–1654 гг., не исключено завершение его в 1660–1661 гг.; однако подход Исаяи не тождествен выработанным Славинецким и Сатановским принципам и представляет другой этап развития ученого языка. Беловик 3 тома (Италия, Син. 204) был исключен нами из числа «ученых» текстов; работавшие над ним московские писцы были не так грамотны и образованны, как основной писец (пропускали непонятное, искажали переведенное Исаяей). Лингвистические данные оказываются наиболее важными при уточнении времени перевода, их использование делает гипотезу непротиворечивой и доказательной.

Первые лингвистические обоснования приводятся далее в **параграфе 1.3.** «Характеристика основного источника. Состав переводных рукописей Атласа Блау. Некоторые лингвистические данные, подтверждающие гипотезу». Каждый том Атласа состоит из отдельных глав, содержащих описания территорий Европы, Азии, Африки и Америки, разбитых по административно-территориальному принципу. Различия в переводе номинаций этих территорий дают основания уверенно отделить общую стратегию Славинецкого и

Сатановского и отличающиеся во многом лингвистические идеи Исаяи. Так, частотное *ducatus* первые два переводчика всегда передают как **кнѣзство**, Исаяя как **кнѣженіе**. Это различие позволяет сделать дополнительные выводы, актуальные для истории лексики и словообразования периода XVII–XVIII вв.: конкуренция суффиксов *-ство* и *-ение* традиционно отмечается для начала XVIII в., наше исследование смещает датировку на середину XVII в. Латинское *territorium* в первых двух томах передается полонизмом **повѣтъ**. Исаяя, несмотря на более широкое использование регионализмов в своем переводе, выбирает более частотное в книжном языке Московской Руси слово **ѡбласть**. Существенное различие выявлено для передачи наречия, используемого в названиях стран, где введен местный кратоним (*Asloa, vulgo Opslo* или *Livonia, vulgo Lyfland*). Наречие *vulgo* в латинском языке может опираться на наречие со значением ‘всемирно’ или на глагол ‘делать всеобщим’. В латинском лексиконе (ЛСЛ) Славинецкий и Сатановской для *vulgo* предлагали варианты «ѡбще, народнѣ». В Атласе Блау они используют **народнѣ**, тогда как Исаяя останавливается на **ѡбще**, что свидетельствует о знании последним лексиконов, но не о стремлении соотносить свой перевод с первыми томами.

Описание состава рукописей и анализ названия глав в Атласе Блау доказывают, что ученые книжники стремятся дистанцироваться от традиции, свойственной приказному языку Московской Руси (переработка Космографии 1637 г., вести-куранты). Так, название административно-территориальной единицы Европы *Comitatus* учеными книжниками передано как **ко/ѡмитство**, в приказном языке чаще встречалось «графство»⁶. *Palatinatus* Славинецкий передает как **Палатінатъ**, переводчики Посольского приказа использовали варианты *палатынатсво*, *полатинус*, что подтверждает отсутствие параллелизма между ученым регистром и приказным языком.

В параграфе 1.4. «Гипотеза о начальном этапе перевода: Введение в Космографию и его лингвистические особенности» рассматриваются две части перевода 1 и 2 томов, которые дошли до нас только в беловиках: введение и первые три главы 1 тома (сохранились в беловике Син. 19 и в указанных выше

⁶ Глускина С.М. Общественная терминология в Космографии 1637 г. // Ученые записки Псковского педагогического института, 1954. Вып. 2. С. 221.

списках); рассмотрена также начальная часть 2 тома (Син. 112, лл. 1–63об), черновик которой утерян (она написана южнорусской скорописью, идентифицировать писца не удалось; мы назвали эту часть беловик-1).

Черновик «Вводения в Космографию» не сохранился, он воспроизведен в Син. 19 с учетом некоторых решений, принятых в процессе ученой дискуссии, и более поздних списках, переписчики которых не имели латинского оригинала: в рукописях есть пропуски, неверное отождествление маргинальной глоссы с опорным словом, ошибки в передаче сложных для писцов лексем, особенно имен собственных: *Guilielmus enim Barendsonius* (глава Polus Arcticus) → *Гвильгѣлмъ бѣ Барендсѡніи* (Син.19) → *Барендсѡніи* (Q.XVII.31, № 315) → *бобарѣндсѡніи* (Соф. 1510) → *бѣба рѣнтъсѡніи* (Q.XVII.6).

Сопоставление материала позволило выявить особенность перевода Атласа Блау на фоне других сочинений книжников Чудовской школы, одной из ярких особенностей работы которых является обильное глоссирование (представлено в переводе Нового Завета и «Епитомий» Константина Арменопула (Епифаний), Номоканона XIV титулов с толкованиями Феодора Вальсамона и Андриантх (Евфимий), в Московской Библии 1663 г.). В черновике «Вводения в Космографию» маргинальные глоссы также были, что доказывается наличием и пересечением их в списках. В заглавии к первому же слову **Позорице** предложены произвольники **позрачице**, **зрѣлице** (Син. 642, 161); в Q.XVII.6 добавляется глосса **зерцало** (л. 1); этот вариант использован в Q.XVII.31: **Зерцало** {**театр^м**, **позорице**, **зрѣлице**} **всѣм** **вселѣныѣм** (л. 1). В перечислении зодиакальных знаков в главе 3 седьмой знак (Libra) в Син. 19 передается полонизмом **вага** (л. 3); в списках эта лексема может оказаться маргинальной глоссой, а в сам перечень попадает **вѣсы** (Q.XVII.31, 4; в Q.XVII.36, 16об – только **вѣсы**, глоссы нет); может быть и наоборот – **вѣсы** глоссирует **вага** (РГБ № 315, 12об).

В Син. 19 число глосс на первых страницах сокращается, далее они практически совсем исчезают из рукописи. Причиной такого решения, принятого по результатам ученой дискуссии, мы считаем вид латинского оригинала: издание содержит огромное число записей на полях. Так выделяются разделы главы, то есть идет навигация по содержанию. Н.А. Казакова назвала

эти подглавки «фонариками». На первом листе первой главы *Introductio* таких навигационных ссылок 4, в небольшой пятой главе сразу 9. Увеличение их числа вынесением маргинальных глосс усложнило бы чтение текста; кроме того, было бы потеряно внешнее сходство латинского издания и церковнославянского перевода, что затрудняло поиски нужных разделов. Постепенный отказ от введения маргинальных глосс характеризует и беловик-1: обилие их на первых двух листах сменяется точным воспроизведением только «фонариков».

Доказательством обсуждения принципов работы и смены ряда переводческих стратегий будут изменения в передаче частотных в Атласе слов. Так, прилагательное *Germanicus* в «Ввождении в Космографию» передается как **немецкѣи** (*milliare Germanicum* → **мѣлю немѣцкѣю**, Син.19, 7об); *Gallicus* как **Францѣзскѣи** (*littus Gallicum* → **брѣгъ Францѣзскѣи** (Син.19, 10; или **Францѣжскѣи**, Син. 642, 177об). В основном тексте 1 и 2 томов переводчики меняют решение и выбирают вариант **германскѣи**, **галлѣискѣи**: *milliarium Germanicorum circiter 900* → **пѣприць герма^нскѣи^х вѣтъ дѣвѣтъ сотъ** (Син.19, 21об); & *Gallico littori appositæ Gersey* → **и Галлѣискомѣ мѣрю приложѣнныи Герсей** (Син.19, 21об); последний раз вариант «немецкий» отмечен в глоссе беловика-1: *ac Galliam Germaniamque Illyricum* → **и Галлѣю и Гѣманѣю {нѣмецкѣю земѣю}** и **Иллирикъ** (Син. 112, 1).

В «Ввождении» используется русский вариант названия Каспия как *Хвалымское море*: *ab Ortu vero ex Indico Mari partem totam in Caspium vergentem* (De navig. 2c) → **Ѡ востѣка же Ѡндѣискаѣ мѣрѣ часть всѣ вѣмѣре Хвалѣмское вѣплывѣющѣѣѣ** (Син. 19, 12об). В основном тексте: *hoc ipsum mare Caspium sinum esse putaverunt Oceani Septentrionalis* (Evropa 5a) → **Ѡѣ самое мѣре Каспѣиское, нѣдро быти непцевѣша Океѣна Полѣноцнагѣѣ** (Син. 19, 21).

В переводе беловика-1 также есть лексические черты, от которых позже переводчики отказываются. Так, Сатановский в глоссах вводит полонизм **костѣлъ** в значении ‘римско-католический храм’: *In Campania Renu, Reims, templi artificiosa extrinsecus structura nobilis* (Gallia 1c) → **Ѡъ Камѣпанѣи Рѣни, Рѣисѣ^м храма {костѣла} хѣдѣнѣчески^ж вѣ нѣ сѣдѣ знаменѣемѣ знамени^т** (Син. 112,

2об); храмы {Ѣтилица, костели}; сомищемъ {Храмѡ, Костело^М} (15об); Храмы {Костели} (16); Ѣтаго Квѣтина Костѣ^А (24). В основном тексте Атласе Блау предпочтение отдается только нейтральному храмъ.

Сделанные в первой главе наблюдения позволяют не только доказать нашу гипотезу о характере работы над переводом Атласа Блау, но и выявить, что при работе над материалом книжники особое внимание с первых же глав уделяли именно лексической структуре создаваемого текста.

Во второй главе «Лексические особенности перевода Атласа Блау как ученого регистра церковнославянского языка» предметом комплексного лингвистического исследования оказывается лексика источника. Определяя специфику ученого регистра, В.М. Живов не говорил о параметрах лексического выбора. При этом отмеченное им потенциальное усовершенствование церковнославянского и его ученая разработка; представление о церковнославянском не столько как о языке традиции, сколько о языке *собственной учености*; отношение к нему как к объекту *ученого моделирования*; филологическая обработка – все эти признаки характеризуют лексические особенности ученого регистра. В процессе работы книжники принимают решение противопоставить свой текст другим памятникам того же жанра, то есть отказаться от текстологической традиции, и выделить его как научный.

Количество лексических и семантических противопоставлений на уровне языка книжного и некнижного не было большим, традиция говорит лишь о единичных примерах. В XVI в. на фоне проводимой Максимом Греком справки сакральных текстов на лексемном уровне образуются некоторые парные противопоставления книжных и некнижных элементов. Выбор модели перевода сакральных текстов книжников Чудовской школы включает совокупность многих параметров, таких как способы калькирования, контекстуальная синонимия, введение иноязычных слов, глоссирование и т.д. Они заранее ориентируются на построение определенного типа результирующего перевода.

Атлас Блау не относится к сочинениям сакральным, переводчики не поставлены в ситуацию необходимости использовать маркированную книжную лексику. Но книжниками принимается решение ориентироваться на церковнославянский язык, им необходимо выделить свой труд и обозначить его как «ученый». Системность такой деятельности Епифания Славинецкого и Арсения Сатановского проявляется также в сопоставлении с их ранними

лексиконами – латино-славянским (ЛСЛЛ) и славяно-латинским (СлЛЛ). Нами отмечено регулярное стремление при работе над Атласом изменять прежние переводческие решения в сторону повышения книжности; зафиксировано также широкое индивидуальное словотворчество переводчиков.

Параграф 2.1. раскрывает **общие принципы** книжников при работе над переводом. Ими стали: 1) широкая вариативность, связанная с отказом от глоссирования (**п. 2.1.1.**); 2) использование грецизмов (**п. 2.1.2.**); причем не только на месте грецизмов, вошедших в латинский язык, но и как замена латинизмов оригинала; последнее распространено в Атласе Блау шире, чем в исследованных на сегодня переводах с латинского языка (**п. 2.1.3.**); 3) включение латинизмов, в том числе не отмечавшихся ранее в книжном языке (**п. 2.1.4.**); 4) широкое использование композитов, создание индивидуально-авторских композитов как путем калек, так и с использованием существующей в книжном языке модели с опорой только на семантику латинского слова (**п. 2.1.5.**); 5) употребление суффиксов, актуальных для книжного языка второй половины XVII в. (**п. 2.1.6.**); 6) включение в церковнославянский перевод регионализмов, не зафиксированных ранее в книжном языке (**п. 2.1.7.**).

Вариативность, вытекающая из решения отказаться от глоссирования, связана с выбором транслитерации при передаче латинского слова или его перевода (создания кальки). Такой выбор стоял перед переводчиками при передаче грецизмов *geographia*, *geographus*, *geographicus*, частотных в Атласе. Принятое решение позволило киевским книжникам ввести заимствование **географіа**, **географъ**, **географскіи** (что позволило нам обновить данные исторических словарей о первой фиксации этих лексем, ранее датирующихся кон. XVII – нач. XVIII в.), а для *geographus* предложить также авторские композиты **странописецъ/ землесписатель/ землеписецъ**. Колебания в выборе композитов отражают некоторую разницу в подходах Славинецкого и Сатановского; так, во 2 томе мы встречаем лишь вариант **землеписецъ**, тогда как 1 том отражает вариативность в использовании **странописецъ/ землесписатель**.

Иногда перед переводчиками встает вопрос выбора между большим числом вариантов. Для *tabula* в «Вводении в Космографию» используется **скрижаль**, киевские переводчики ориентируются на авторитетный для них «Лексикон словенороський» Памвы Берынды. Этот лексикон и собственные

лексикографические труды стали опорными для работы, поэтому к признаку грамматической ориентированности ученого регистра мы считаем необходимым добавить ориентацию на *лексикографические источники*. В первых главах единично отмечены русизмы **чертежь** и **дска**, но в основном тексте основным вариантом передачи латинской лексемы станет грецизм **тавліа**, освоенный книжно-письменным языком.

Среди использованных грецизмов особое внимание мы обращаем на впервые введенные в книжный язык (**сфера** ← *sphaera*; **діалектъ** ← *dialectos*, **пирга** ← *turris*), **етимологіа** в значении ‘истиннословие’ (фиксировалось ранее только в Алфавитах XVII в.). В Атласе Блау представлена замена латинизмов грецизмами; многие из них позже будут характерны для сочинений чудовских книжников. К примеру, латинское *provincia* регулярно заменяется на грецизм **епархіа**, причем последняя лексема используется как нейтральная в общем значении ‘область’; книжники не стремятся передать культурные реалии разных описываемых стран, что будет сохраняться в ряде более поздних переводов (например, в переведенном с польского «Слове о милости»). Грецизм **пирга** станет частотным в жанрово близких Атласу ученых текстах конца XVII в.: в «Проскинитарии Арсения Каллуды» (перевод Евфимия Чудовского, ГИМ Син. 529, Син. 543); в «Хорографии и топографии земли святыя» (ГИМ Син. 745). Реже использованы латинизмы: **колоніа** ← *Colonia*, **авторъ** ← *autor*.

Индивидуально-авторский подход в полной мере проявился в создании **композитов (п. 2.1.5)**, которые могут опираться на сложное слово оригинала, но могут быть созданы без опоры на латинский композит. Нередка ситуация, когда два одинаково организованных авторских образования опираются на разные латинские словообразовательные модели: **разлічныхъ звѣрь лѡви, птицеловленіа, и рыболовленіа** (Син. 19, 37) ← *variarum ferarum venationes, aucupia, piscaturæque* (13d), где *aucupium* - композит, а *piscatus* – однокорневое образование от основы супина глагола *piscor*. Эти две лексемы весьма частотны, так как рассказы о важных занятиях жителей разных стран регулярно присутствуют в главах. В беловике-1 отражен первоначальный вариант: *aucupio* (!), *venationi, piscationique peropportunos* (1d) → **птыцолово^М, звѣролово^М, и**

риболово^М *бл҃гоключима* (Син.112, 3об); для основного текста выбор сделан в пользу композита с суффиксом *-ение*.

Переводчиками создаются и другие композиты с корнями *рыб-* /*птиц-*: **СѸмнїтелно, едѧ Ѡ вѡдѣ езеро, или Ѡ рыбѣ *рыбопитѧлице*, или Ѡ лѡва, нїва нарицѧтисѧ иматъ** (Син. 19, 73 об.) ← *Dubium an ab aquis lacus, au à piscibus vivarium, an à venatione arvum appellari debeat* (Karstia 35b). Пример относится к многочисленным случаям, когда изменяется модель, представленная в латинском лексиконе, где *vivarium* передано «звѣрское жилище, питате(л)ница» (ЛСЛ, 415). Так собственные лексикографические труды становятся опорой для новаций при выстраивании лексической структуры ученого регистра.

Композиты создаются переводчиками часто вне связи с прямым значением латинской лексемы, книжники стремятся передать в индивидуально-авторском образовании свое понимание явления действительности и раскрыть его для читателя. Таким композитом стало частотное **верхоградіе** ← *arx* («укреплѣнный замок, крепость; вершина; местопребывание, резиденция»). В Атласе Блау употребление *arx* в первую очередь встречается в контекстах, когда речь идет о небольшом городе-крепости либо о центральной части города, где находилось крепостное сооружение или замок: **Иматъ прѧмѡ *верхоградіе* Москѡвское Іванѡвѣ гѡродѣ** (Син. 19, 40 об.) ← *Habet ex adverso arcem Moschorum Ivanowgorod*» (16с).

Эту же модель во 2 томе использует Сатановский, переводя *promontorium* («горный выступ, отрог, мыс») как **верхогоріе**: **Долготѧ оубѡ еѧ считѧется ѠИрѧклиѣва мѡра *доверхогоріа* Бл҃гїѧ надежды пѡприць сѣдмсотѣ** (Син. 112, 215об) ← *Longitudo quippe ejus computatur ab Hercujis Freto, ad promontorium Bonæ Spei, mill.700* (Africa 1a).

Широко употребляется в тексте Атласа Блау композит **благоговеніе**, взятый Славинецким из церковнославянского языка и использованный для передачи понятия *religio*. В ЛСЛ для *religio* использованы церковнославянизмы «бл҃гоче(с)тие, бл҃гоговѣніе» (349). В Атласе Блау книжники выбирают менее частотный в церковнославянском языке вариант: **Каѡ-оліческомѸ *бл҃гоговѣнію***

прилѣплѣются всѣ Италийстѣи князи (Син. 19, 22) ← *Catholicæ religioni adhærent omnes Italiae Principes* (Europa 5c).

Сатановский во 2 томе на базе этого церковнославянизма создает собственный индивидуально-авторский композит: **Идолослуженіемъ и излишшеговѣніи прочимъ Инданомъ подобни** (Син.112, 184) ← *idololatria superstitionibusque reliquis Indis non absimiles* (India 2c), где латинское *superstitio* ('суеверие') в ЛСЛЛ было передано словосочетанием: «*superstitio, самово(л)ное служеніе, блужаніе в(ъ) вѣрѣ*» (389). Трансформация словосочетания в существительное необходима для сохранения пословного характера перевода и регулярно применяется обоими книжниками.

В параграфе 2.1.6. рассмотрены суффиксальные образования, характерные именно для Атласа Блау. Для *nomina agentis* в число наиболее продуктивных для идиолекта Славинецкого суффиксов обычно включают *-тель*, *-(ьн)икъ*, *-ецъ*, активно используемые и в Атласе. Жанровые особенности сочинения делают самым распространенным суффикс *-ан-* для этнонимов (**Американе, Азиатикане, Афране, Гелветане, Венетане, Еврѡпане, Шведанане, Готѡане; Ѡ Македонанъ и Римланъ, Дананъ, Германъ, Галланъ** (Син. 19, 21-24); использование этого суффикса практически не знает исключений – отступления обнаруживаются при необходимости подчеркнуть, например, религиозную принадлежность (**Грекове**).

Особенностью нашего источника будет активное образование существительных с локативным значением при помощи церковнославянского суффикса *-ищ(е)*. Помимо известным книжным текстам (**сѣтилище, сосѣдалище, пристанище**), вводятся новообразования: **страннопріятелище** (Син. 19, 34об) ← *hospitium* (Svecia 12c); **нищеприятелище, сиропиталище** (Син. 112, 34об) ← *Ptochodochium, Orphanotrophium* (Francia 6a); **книговлагалище** (Син. 112, 15) ← *bibliotheca* (Francia 5d); **каменосѣчилица** (Син. 112, 3об) ← *Lapicidinæ* (Gallia 2b). Сознательный выбор локативного *-ищ(е)* для этой группы лексем подчеркивается сопоставлением с ЛСЛЛ, где предлагался вариант «стра(н)ноприе(м)ница» (420), известный книжному языку.

Распространение данной суффиксальной модели связано с одним из переводческих решений, реализованных при уточнении стратегии в ходе ученой дискуссии. В «Вводении в Космографию» *mille* всегда передано как **МИЛЛЪ ЧЕТЫРЕ ТАКОВЫА МИЛИ, ЧИНАТЬ ЕДИНЪ МИЛЮ НЕМЕЦКЮ** (*milliare Germanicum*); в основной части книжки выбирают славянизм **поприце**, фактически становящийся гиперонимом для метрологической лексики в Атласе Блау и выражающий значение расстояния без привязки к определенной длине. Решение Славинецкого и Сатановского противопоставлено подходу Исайи, который использует русизм *лак(ъ)ть*; в его переводе практически отсутствуют образования на *-иц(е)*.

Параграф 2.1.7. посвящен использованию полонизмов и югозападнорусизмов в тексте. Важным наблюдением будет факт включения тех регионализмов, которые используются в лексиконе Памвы Беринды (**прѣдкѣи, шкаредный**). Расширение лексических рамок церковнославянского языка становится возможным благодаря включению в Грамматику 1648 г. лексической части – **Слословіе имѣнъ по азъ вѣди, стѣхъ соѹщихъ въ свѣтцахъ, с толкованіи словѣнска гзика** (361–373), которая и делает лексемы, относящиеся к фонду простой мовы или представляющие собой регионализмы, легитимными для книжного языка Московской Руси в его ученой разновидности⁷.

Параграф 2.2. посвящен анализу введенной в Атлас Блау **астрономической и географической терминологии**. Формирование принципов научной терминологии, в том числе астрономической и географической, связывается с деятельностью М.В. Ломоносова. Именно ему приписывается идея трех базовых принципов создания русской терминологии: 1) перевод в случаях, когда это возможно (*земная ось*); 2) калькирование (*солнцестояние*); 3) заимствование (*диаметр, сферический*). Наше исследование позволило перенести сроки появления многих терминов на период 50-х гг. XVII в. и отнести начальный этап формирования данных принципов к времени работы Славинецкого и Сатановского над переводом Атласа Блау.

⁷ Кузьмина Е.А., Пентковская Т.В. Грамматические предписания и их реализации в церковнославянской книжности второй половины XVII в. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2019. № 4. С. 182–184.

В переводе создается стройная система терминов, в основе которой лежит использование заимствований (впервые введены грецизмы *зона*, *тропикъ*, *параллель/ь*, *діаметеръ*); под влиянием латинского трансформируется облик лексемы *горизонтъ* (впервые начинает употребляться начальное *г*); вводятся латинизмы *экваторъ*, термины *епіцикл(ь)*, *оптіцикн*; как калька с латинского *solstitium* использован композит *Слнцестояніе*. Эта терминология в исторических и этимологических словарях связывается с распространением печатных переводов географических сочинений в начале XVIII в., но материал Атласа Блау доказывает, что она впервые была введена на 50 лет ранее.

Многие переводческие решения имеют прямые соответствия в печатных источниках начала XVIII в. Использованный нашими переводчиками термин «экватор» глоссируется их же авторским вариантом: *Сл же ради винь тѳиже крѳгъ инымъ именемъ нарицается Экваторъ, или равнителъ* (Син. 19, 3) ← Eandem ob causam idem circulus alio nomine vocatur *Æquator* (Introductio ad cosm.). Та же внутритекстовая глосса употреблена в печатном издании «Географии краткой» 1710 г.: Сеи же кругъ паки нарицается и *экватор [или равнитель]* (с. 3).

Второй аспект введения астрономической и географической терминологии в Атлас Блау связан с *ориентацией на церковнославянизмы*, а не на лексику нейтральную. Так, для обозначений частей света в «Вводении в Космографию» использовались лексемы *Сѳверъ*, *Югъ*, *Западъ*, *Востокъ* и маркированные церковнославянизмы *Полѳденный*, *Полѳноцный*: *Пѳль Арктицикн*, *сирѳчь Сѳверный*, *Пѳль Антарктицикн*, *сирѳчь Полѳденный*, *Ворѳнскон*, или *Полѳноцной странѳ* (Син. 19, 2-2об). В начальных главах можно констатировать тенденцию к выбору нейтральных словоупотреблений: *плѳваніа дрѳвнихъ назападъ* (Navigationes Veterum versus Occidentem), *на Сѳверъ* (Septentrionem), *наюгъ* (Meridiem), *на востѳкъ* (in Orientem), *назападъ* (in Occidentem), *плѳваніа сѳвернаа* (Navigationes Septentrionalles) и т.д. (Син. 19, 12-13об).

Но в томах, рассматриваемых нами в качестве образца ученого регистра, переводчики изменяют свою позицию и для двух из четырех частей света регулярно выбирают церковнославянизмы: *Самогітіа страна доволнн*

простра́нна, ближа́ншаѡ Літв́анин, ѡ *Полѡнощїа* Лївонїи єспредѣлна єсть, и морю Балтїискомѡ, или Германскомѡ ѡ з́апада, нѣчто *наполѡнощїе* в́скланяющїса прилежїтъ (Син. 19, 58) ← Samogitia regio satis ampla, proxima Lituaniæ, à *Septentrione* Livoniæ conterminal est, marique Balteo sive Germanico ab Occidente, nonnihil in *Septentrionem* reflectendo adjacent (Samogitia 27a); Палестїна з́аключ́ается ѡ *Полнощїа* Фїнікією, ѡ Вост́ока КилиѢрїєю, ѡ *Полѡднїа* Аравїєю (Син. 112, 212) ← Palestina clauditur à *Septentrione* Phoenice, ab Ortu Coelesyria, à *Meridie* Arabia (Palestina 15a).

В сфере географической терминологии нами отмечаются те же общие подходы к лексике, что рассмотрены выше. Примером замены латинизма на грецизм будет частотное **Херсонїсь** на месте *peninsula*: **Європы страны ѡчасти сѡши сѡтъ, ѡчасти Херсонїси, и Острова** (Син.19, 21об) ← Europæ regions partim Continentes sunt, partim *Peninsulæ & Insulæ*» (5b). В существительных с локативным значением использован суффикс *-ищ(e)*: **Лїв́ане жє своїствєннѣ наречєнни, странѡ брєговѡ ѡ Рїги ивх́одїща Дѡны, къ Салмѣ, и Парнѡвїн населїша** (Син. 19, 41) ← Livi vero proprie dicti, tractum littoralem, à Riga & *ostio* Dunæ, versus Salim & Parnoviam incoluerunt (Livonia 16d).

В рамках ученого регистра формируется один из параметров будущего языка науки, а именно *терминологичность*. Особое внимание, уделенное переводчиками Атласа Блау поискам точной передачи научной терминологии латинского оригинала, позволили Славинецкому и Сатановскому ввести термины, многие из которых используются языком астрономии и географии до настоящего времени. Книжники сформировали базовые принципы создания терминосистемы, которыми позже воспользовались ученые XVIII в., в том числе М.В. Ломоносов. Можно считать, что *начальным этапом формирования русской научной терминологии* становится середина XVII века.

Параграф 2.3. описывает **общественно-социальную лексику** перевода. Особенность использования лексики этой группы связана с частотностью ее появления в тексте. По отношению к наиболее часто встречающимся наименованиям книжниками выработан единый подход: **Царь, Царство** ← *Rex, Regnum*, **повелїтельство** ← *imperium*, **Прѣстателство** ← *præfectura*,

Стронителство ← *dioecis*, **держава** ← *ditio*. Авторским неологизмом является перевод латинизма греческого происхождения *monarchia*. В латино-славянском лексиконе «monarchia» передается как «единоначалие», а «monarcha» как «мона(р)ха, единонача(л)никъ» (272). В Атласе Блау предложен иной вариант: **ѢЦарства, исамоначѣліа обра³ привестѣ** (Син. 19, 26 об) ← *in regni & monarchiae formam redegit* (Norwegia 8a). Такой вариант не был до настоящего времени зафиксирован в текстах XVII в., хотя обнаружены разнообразные композиты («самовладство», «единоначалие», «единовластие», «единовладство»⁸).

В основном тексте варианты перевода могут отмечаться для лексем, которые однозначно переданы в оглавлениях. Так регулярная передача *Palatinatus* как **Палатинатъ** в главе *Germania hodierna* меняется на использованное в СЛЛЛ: «Воевода» (434): **Воеводство Рѣнское, Франконіи древле часть, главѣ имать Епархіи Геиделбергѣ, тѣже избрателен воеводски^д съдѣлице** (Син. 19, 75) ← *Palatinatus Rheni, Franconiae quondam pars, caput habet provinciae Heidelbergam, eandem Electorum Palatinorum sedem* (Germania 1c).

Есть примеры использования грецизмов на месте латинизмов, к примеру **Сигклитъ** вместо *Senatus*: **и Ѡнегѡже къ Царю и Сигклитѣ Царства нарицаніе взаимъ Ѡноситса** (Син. 112, л. 30) ← *& à quo ad Regem & Senatum regni appellatione vicissim devolvitur* (10a).

Наибольший интерес представляет создание композитов на месте однокорневых лексем латинского оригинала и на базе словосочетаний, при образовании которых книжники старались передать не структуру опорного слова, а значение его, объясняя в окказионализме род занятия должностного лица. Созданные композиты и суффиксальные образования показывают объем знаний, ученость Славинецкого и Сатановского. Во фразе **Въ Магістратехъ, впати, провпѣти, Епархіи, Кенсори; Страженачѣлники, Сокрѡвищники, Торжищезакѡнники, Прѣстѣтелѣ брашнѣ и ини** (Син. 19, 142об) ← *In Magistratibus Consules, Proconsules, Praetores, Censores, Tribunos vigillum, Quæstores, Aediles, Praefectos annonæ, aliosque* (Coloniensis Archiepiscopus 41b)

⁸ Киселев М.А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века // Исторический вестник, 2013. Т. 6 (153). С. 36, 39, 42, 43.

оказались реализованы практически все переводческие решения, в том числе создание композита **Страженачалники** на базе *Tribunos vigilum* с помощью суффикса *-ник*. Тот же суффикс использован для *nomina agentis* **Сокровищники** (*Quæstores*); это один из многочисленных случаев трансформации Славинецким прилагательного в субстантив: в ЛСЛЛ предлагался вариант «сокровищни(й)» (341); так же было переведено *thesaurari(us)* (397); пример из Атласа: **Ѡбнови Петръ Ремигии, Сокровищникъ и Црьства Правитѣ^л за Карола Пѣх^лра** (Син.112, 16) ← *Restauravit Petrus Remigius, Thesaurarius & Regni Gubernator sub Carolo Pulchro* (Francia 6a). Широкое использование суффикса *-ець* для *nomina agentis* рассматривается на примере лексемы **благородецъ** (*-дцы*) ← *nobilitas, nobilis*, употребляемой для общей номинации людей, принадлежащих к высшему классу.

Для *Ædiles* создан композит **Торжищезаконники**. Латинское *ædilis* называет римскую должность, в задачу носителя которой входит организация народных зрелищ, городское благоустройство, надзор за общественными зданиями, полицейский надзор и регулирование продовольственного снабжения. При обучении латинскому лексема могла встречаться киевским книжникам в текстах Цицерона, Корнелия Тацита; для московского читателя они создали композит, обозначив одну из выполняемых эдилом функций. В окказионализме Славинецкий отказывается от перевода ЛСЛЛ *ædiles* как «здано[на]ча(л)ницы» (72), что было ближе к латинскому *ædes* ‘комната, храм, жилой дом, здание’.

Анализ, проведенный во второй главе, показывает, что лексическая структура Атласа Блау тщательно выстроена, системно организована, имеет внутреннюю логику. Отталкиваясь от своего предшественного труда – лексикона латинско-славянского, Славинецкий и Сатановский находят новые решения. Обсуждая и корректируя их в процессе перевода, книжники формируют ученый регистр церковнославянского языка.

В третьей главе «Грамматические особенности ученого регистра церковнославянского языка» рассматриваются значимые позиции в морфологии и синтаксисе славянского перевода. Решения переводчиков сопоставлялись нами с предписаниями грамматик церковнославянского языка. Зафиксированы этапы ученой разработки на этапе перехода от перевода «Вводения в Космографию» к основным томам, но усложнения грамматической организации в сравнении с кодифицированными нормами не

отмечено. Славинецкий и Сатановский опирались на стандартный регистр; оба книжника знали нормы, предписываемые первым изданием грамматики Смотрицкого (ГС), и изменения, которые были внесены московскими справщиками при подготовке издания 1648 г. (ГМ), что давало им 1) выбор из двух вариантов, 2) возможность продолжать редактуру в направлении, заданном справщиками ГМ, поскольку издание ГМ имело статус «официального издания московской грамотности» (Е.А. Кузьмина), что сделало необходимым исполнение ее предписаний.

Перевод Атласа Блау осуществлен как пословный, с точной передачей оригинала. Построение латинского источника неоднородно и включает 1) описательные разделы (границы страны, основные города, реки, перечень правителей, природные богатства), составленные сотрудниками Блау; в них используются простые предложения, предикативным центром которых оказываются глаголы настоящего времени, частотны ряды однородных членов (существительных), используются прилагательные в сравнительной и превосходной степени; 2) исторические рассказы об описываемой территории, которые являются фрагментами из средневековых географических трактатов и цитатами из античных авторов; в этих частях использованы глаголы в формах перфекта и имперфекта, сложные предложения с разными типами придаточных, где употребляется латинский конъюнктив, частотны синтаксические обороты, свойственные книжно-письменному языку. Церковнославянский перевод повторяет эту структуру.

Основной задачей переводчиков было *избегать грубых нарушений грамматики* церковнославянского языка. Работа над Атласом Блау изначально строилась на двух грамматических основаниях: 1) понимание латинского материала для его правильной интерпретации; 2) выбор из предложенного в ГМ репертуара форм наиболее точно соответствующих оригинальному тексту. Текст Атласа Блау не имел греческого варианта, поэтому все использованные грецизированные конструкции отбираются из числа кодифицированных ГМ.

Параграф 3.1. посвящен морфологии **имени существительного** (в нем рассмотрены явления, относящиеся одновременно и к орфографии). Число существительных в переводе очень велико: перечисления природных объектов, рыб и зверей, памятники и здания городской застройки, природные богатства (камни, растения, руды); топонимы и антропонимы. К примеру, в первом абзаце

главы «Европа» на 195 слов 65 существительных (34%), а в середине главы на 200 слов приходится 109 существительных (55%). Такая плотность существительных не могла не сказаться на особом отношении переводчиков к их грамматическим характеристикам. Отметим также выявленную нами при анализе лексики тенденцию увеличивать число существительных путем трансформации субстантивированных прилагательных в существительные с помощью суффиксации.

Московские издатели ГМ внесли в раздел «Об имени» целый ряд исправлений, которые существенно меняют парадигмы; проведена корректировка системы грамматических норм в соответствии с книжно-языковой практикой издателей ГМ, выражающейся в унификации широкой вариативности первого издания ГС. Анализ форм имени Атласа Блау дает основания говорить об ориентации наших переводчиков на нормализаторские решения ГМ с тенденцией к продолжению унификации форм.

Ученым решением книжников было распространение необходимости сохранять чередования в топонимах: **Афріцѣ, Америкѣ (>50), Ёлѣвѣрцѣ, Ёвѣвѣрцѣ** (Син. 19, 30об), **Ёгамѣвѣрцѣ** (Син. 19, 113об), хотя парадигмы ГМ включают лишь антропонимы (**іѡна, артеміс, или артеміда, 93об, 96**). Тенденция к унификации реализована в возможности омонимии форм **им. и вин. п. мн.ч.** и использовании флексии **-и** в вин.п. мн.ч. *o*-скл. сущ. м.р.: *Nobilitas in Comitibus, Baronibus, Equitibus auratis, communemque nobilitatem dividitur (Svecia 2a) → Блѣгородцы на Кѡмїтїи, Барїѡни, Ёкѡїтїи злѡти, и обще блѣгородство раздѣлѣется (Син.19, 33об); это явление можно связать также с типичной ошибкой при переводе с латинского, когда омонимия *nom.-acc. pl.* имен всех родов III-IV скл. и II скл. ср. р. становится причиной появления флексии **им.п. мн.ч.** в позиции **вин.п. мн.ч.***

Стремление к унификации окончаний **род.п. мн.ч.** в зависимости от формы **им.п.** зафиксировано для сущ. на **-ь, -іе, -іа**: для сущ. на **-ь** выбирается флексия **-е/ен**: **частен (>100), Црѣквен (>50); списателен (>50), рыбарен** (Син.19, 20), **кораблен** (Син.19, 25), **зѡвѣрен** (Син.19, 10об, 11, 20об, 26), **Царен и князен** (Син.19, 31); для слов на **-іа/е** используется **-ін**: **Тавліи** (Син.19, 8об), **тѣпографїи** (Син.19, 25), **епархіи** (Син.19, 31об), **стадіи** (Син. 112, 182), **ради безгодїи**

(Син.19, 19об), писанин, размѣреніи (Син.19, 24об), зданіи (Син.19, 25), верхоградіи (Син.19, 27), каменіи (Син.19, 30об), орѹжіи (Син.19, 51). Это устраняет всё еще сохраняющуюся в ГМ вариативность.

Формы **дат., тв. и местн. п. мн. ч.** в книжно-письменных источниках вт. пол. XVII в. могут отражать *a*-экспансию, свойственную больше текстам гибридного регистра и реже отмечаемую в стандартном церковнославянском. Система Атласа Блау в этих позициях близка к стандартному регистру. Так, *a*-экспансия в **дат.п. мн.ч.** отсутствует, консерватизм книжников проявляется в стремлении орфографически противопоставить формы **дат.п. мн.ч.** и **тв.п. ед.ч.** по принципу антистиха (**ѡмѣ/ омѣ**). *A*-экспансия в **тв.п. мн.ч.** фиксируется, однако вариативность окончаний в данном случае заложена самой ГМ: взаимно допустимы формы с флексией *-ы*: **междѹ остроувы** (Син. 19, 30об), **тѣсными предѣлы** (Син. 19, 64), **взаимными оубиствы** (Син. 19, 8об), **четырьми составляется еипствы** (Син. 19, 27) и с флексией *-ами*: **хладами оужасна** (Син. 19, 24об), **сѣведами** (Син. 19, 28), **бродами** (Син. 19, 30об), **поромами рѣка перевозима** (Син. 19, 80об), **стартарскими пределами** (Син. 112, 183), **законами** (Син. 112, 183об), **сапфірами, гранатами** (Син. 112, 184об), **Нігрітами** (Син. 112, 215об), **плодами** (Син. 112, 217). Для **мест.п. мн.п.** мы отметили небольшое увеличение числа форм с *a*-экспансией для сущ. ср.р. (наиболее частотно **на местахѹ, единично вЦарствахѹ**), для м.р. спорадически **ѡ лѣсахѹ** (Син. 19, 38), **на островахѹ** (Син. 112, 191).

В параграфе 3.1.2 рассмотрены формы двойственного числа. Переводчики демонстрируют отказ от использования свободного двойственного числа. Так, для сущ. **брегѹ** возможное дв. ч. не зафиксировано, контексты реализуют формы мн. ч., что связано с большей частотностью употребления слова в значении ‘край земли около воды’: **сѣвернѣишіа нѡвыа землі брегѹ ѡбѣздити** (Син. 19,14об). При описании рек переводчики также выбирают формы мн. ч.: **ащеже величество, ащеже брегѹвѹ, и ѡсюдѹ овѣдѹ градѹвѹ имѹ прилежащихѹ изгашество зрѹши** (Син. 19, 185).

В контекстах со связанным двойственным числом мы обнаруживаем формы дуалиса в **род.-сказ. п.**: **по обою Рина брегѸ** (Син. 19, 74), и в **дат.-твор. п.**: **двома мѣстома** (Син.19, 29об). Отмечается непоследовательность в использовании формы дат.-твор. п. у слова **два**: в начальных главах книжники используют рекомендованную ГМ: **ѣдвѣма проходама** (Син.19, 9об); далее отдают предпочтение форме из ГС **двома**, которая сохраняется в неисправленном виде в разделе «Синтаксис» ГМ: **междуѡ двома родомѡ** (292); **двома степенема** (341об). В основных томах Атласа употребляется **двома**: **прекопама двома** (Син.19, 41); **двома поприцама** (Син.19, 41); **со двома сыницама** (Син.19, 50об). Существительное при этом может иметь как форму дв. ч., так мн. ч.: **двѣма корабли** (Син.19, 14), **двома входици** (Син.19, 36об); **двома крѹги** (Син.19, 6об); **двома народи** (Син.19, 36).

Для форм **им.-вин. п.** характерно стремление к употреблению сущ. не в дв. ч., а в мн. ч. для м. р.: **два крѹзи** (>25), **два гради** (>25); для ж. р. и ср. р. однозначная интерпретация невозможна в силу падежной омонимии: **(на) двѣ части**, **двѣ Цркви** (>25), **два епѣства** (>20); **два езера** (>40).

Таким образом, *двойственное число не входит в репертуар обязательных форм* для ученого регистра церковнославянского языка. Основатели Чудовской школы продолжают традицию Максима Грека, использование дуалиса оказывается на периферии книжной нормы.

Параграф 3.1.3. посвящен использованию **родительного приименного падежа** и характеру выражения притяжательности. ГМ кодифицирует правило использования род. п. при сущ.: **Двою̀ съществѣтелнѸ разлічнѸхъ вѣщѣи стекѡущѣсѧ, дрѹгѡе ихъ вродѣтелномѡ полагаемо бывѣти вбыче** (283об). Расширение функций род. п. во время книжных реформ второй половины XVII в. рассматривается как элемент греческого влияния на грамматическую структуру церковнославянского языка. Перевод Атласа Блау дает основания утверждать, что Славинецкий опирается также на грамматику латинского языка с использованием приименного род. п.: **насѣлникѡвѡ обѣлствомѡ, градѡвѡ**

иґра́дцевъ мно́жествомъ, Індіи страна́ми, Митропо́ліа Царства, двора̀ сѣда́лице, Індіи жилище (Син. 112, 182об – 185об).

При этом перевод отражает колебания переводчиков, их знания о возможности использования не только родительного приименного, но и притяжательного прилагательного. В начальных главах мы обнаруживаем вариативность: *Freta Oceani* (1d) → протóки **Окіановы** (10об); *Ab Oceani furore* (9a) → Ѡ **Оке́ановы гарости** (29); *Oceani insulas* (9a) → **Оке́ана острови** (29); *Tropicus Cancrī, Tropicus Capricorni* (Introd.) → трóпикъ **Рáковъ**, тропікъ **Козерóжцевъ** (Син. 19, 4); межѸ Тропікомъ **Рáка**, Тропікомъ **Козеро́жца** (4об) ← *intra Tropicum Cancrī, Tropicum Capricorni* (Introd.).

В основном тексте использование притяжательного прилагательного возможно только при образовании от однословных антропонимов: **Такітово читаніе** (Син. 19, 39об), **мнѣніе Пвѣагорово** (Син. 112, 189); при этом родительный приименной также использован, иногда в контактном расположенных словосочетаниях: **мáтере Промеѣеа, Іапееѣовы жены** (Син. 112, 180об) ← *matre Promethei, Iapethi conjuge* (Asia 1a); **хра^М Артемыды; Даріевъ сынъ** (Син. 112, 180об) ← *templum Dianæ; Darii filius* (Asia 1b).

В разделе о существительных мы рассматриваем также **конструкцию ч/презъ + асс. (параграф 3.1.4.)**, которая является постоянной чертой переводов книжников Чудовской школы: передает греч. *διά* + асс. и *παρά* + асс., а в нашем источнике заменяет латинскую конструкцию *per+acc.*

В Атласе Блау отражен этап поиска и выбора окончательного решения. На начальном этапе шел поиск передачи *per+acc.*: использование тв.п. (*per Chorographiam* → **Хорографією**, *per Zodiacum* → **зодіакомъ**, *per motum* → **движеніємъ**); ввод конструкции **чрезъ + асс.** (*per utruque Polum Mundi, & per punctum sceli* → **чрезъ оба поли міра, и чрезъ точкѸ нбсе**, *per verticem* → **чрѣ³ верхи**); а также использование **сквозѣ +вин.п** (*per centrum* → **сквозѣ средѸ**, *per terram* → **сквозѣ землю**).

Далее в переводе Славинецкого была сделана попытка разделить значения, передаваемые конструкцией *per+acc.*, с помощью введения предлога **презъ**,

который используется в локативном (*прѣ³ весь островъ* (Син. 19, 32) ← *per totam Insulam* (Fionia 11a)) и в темпоральном значении (*прѣ³ колика лѣта* (Син. 19, 30) ← *per aliquot annos* (Dania 10b)), тогда как значение ‘через посредство, с помощью’ передается при помощи *чрѣ³: чрѣ³ тебе* (Син. 19, 33) ← *per te* (Fionia 11d); *чрѣ³ Бременскіа купцы* (39об) ← *per Bremenses mercatores* (Livonia 16a). Но такое распределение усложняло работу над Атласом, в результате Славинецкий отказывается от него, используя *чрѣ³/ прѣ³* без учета семантических различий: *чрѣ³ лѣто* (92), *чрѣ³ тысящѣ двѣстѣ стѣпѣ* (92), *чрѣ³ толика мѣста* (92), *прѣ³ сѣровымъ Истрѣ* (92), *прѣ³ Миснію и чрѣ³ Вітттенбергѣ* (112об), *чрѣ³ Валахію* (192об). Сатановский последовательно использует вариант *чрѣ³ + асс.:* *чрѣ³ море превезеса* (Син. 112, 181об), *чрез Тігры истекшіи* (Син. 112, 182).

Таким образом, зафиксированная в переводе Атласа система имен и конструкций, включающих существительное в определенном падеже, демонстрирует нам ориентацию книжников на кодифицированную в грамматиках систему церковнославянского языка, а также показывает собственные поиски книжников в рамках этой системы.

Параграф 3.2. описывает использование сравнительной и превосходной степеней прилагательных в Атласе. Славинецким и Сатановским принято решение о формальном параллелизме с латинским языком: *gradus comparativus* с суффиксом *-ior/ ius* передан рекомендуемой в ГМ «разсудительной» степенью с суффиксальным *ш*, а *gradus superlativus* на *-issimus/ issima/ issimum* – «превосходительной» с *ѣнш/анш*.

Возможна передача *gradus comparativus* формой превосходной степени, что отмечено и для других переводов чудовских книжников, при этом часто такая замена связана с лексическими причинами: *nobilior* передается как *влѣгороднѣншіи*, что связано с характером использования церковнославянизма для номинации высшего слоя дворянского общества, не предполагающего использования компаратива.

В параграфе 3.3. мы обращаемся к спрягаемым глагольным формам, представленным в Атласе Блау.

форм 52 презенса (48%), 32 аориста (30%), 14 форм имперфекта (13%), по 1 форме перфекта и плюсквамперфекта (2%), а также 8 форм сослагательного наклонения (7%). Большая часть употреблений приходится на придаточные части и опирается на кодифицированную в ГМ конструкцию *ДАВЫ́ + л-форма* (324об), которая используется для передачи *coniunctivus* латинского оригинала: *ДАВЫ́ОУБѠ ВѢВѢДНѢ ЖИТЕЛСТВОВАЛИ ПОТОМЪ, ПРЕВЕДЕ ІА АГРІППА, ЗАТЬ АУГУСТОВЪ* (Син. 19, 142) ← *Ut ergo tutius viverent in posterum, traduxit eos Agrippa gener Augusti* (Colon. Arch. 41a). Использование форм без дополнительной связки (3 л. ед.ч. *ВИДѢЛЪ БЫ*; 3 л. мн.ч. *ВИДѢЛИ БЫ*) соответствует системе, использующейся в переводах с греческого языка, выполненных киевскими книжниками в первой четверти XVII в. (Беседы Иоанна Златоуста на Послания апостола Павла (Киев, 1623 г.) и на Деяния апостольские (Киев, 1624 г.)⁹.

Анализ синтаксической структуры Атласа требует обратить внимание на несколько пунктов. Во-первых, это оформление **придаточных определительных** при помощи местоимений *иже, еже, таже* (параграф 3.4.), передающих латинские *pronomina relativa qui, quae, quod*. Переводчиками строго выполняется правило зависимости формы местоимения от антецедента: *ВОЗНОСИТЕЛНАМ <...> ИЗРАДНѢ же, иже, таже, еже, ЕГѠ, и ЕА, СОГЛАСОУЮТЪ СВОЕМОУ ПРЯДИДУЩЕМЪ ВЪ РОДѢ И ЧИСЛѢ* (ГМ, 291об-292) и увещания ГМ о необходимости правильно выбирать падежную форму, опираясь в том числе *на послѣдующіи глаголь* (292об). Это правило не знает исключений, в том числе в многочисленных случаях трансформации рода при переводе с латинского оригинала, когда ученые книжники выбирают верную форму местоимения, ориентируясь уже на славянский текст: *Дрѡвѧ насѣлникѡмъ подавѧетъ островъ Іасмѡнда, идѣже лѣсъ густѣишь, егѡже тѣземцы наричѣтъ де Стѣвгенитза* (Син. 19, 105) ← *Ligna incolis suppeditat insula Iasmunda, ubi sylva densissima, quam indigenae appellant de Stubhenitza* (Rugia 20c).

Сопоставление разных частей Атласа дает нам возможность отметить, что первоначально киевские книжники допускали использование для оформления

⁹ *Пентковская Т.В.* Сослагательное наклонение в поздних церковнославянских переводах восточнославянского происхождения // *Rajko Nahtigal in 100 let slavistike na Univerzi v Ljubljani*. Ser. Slavica Slovenica. Ljubljana. 2019. P. 241–256.

определительных придаточных уже входящего в книжный язык местоимения **который**, зафиксированного в ЛСЛЛ: «qui, иже, котори(й)» (342), «quae, яже, которая» (341). В 1 главе *quod* передано местоимением **что** с высокой долей вероятности наличия **который** в черновике: Quod ut certius carias, respice schema appositum → **Чесò данзвѣстнѣе оуразумѣши, вóзри начертáние написанное** (Син.19, 2об); в списках **Котóрое извѣстное оуразумѣши** (Q.XVII.31, 3об; Q.XVII.6, 6об; РГБ № 315, 10об). В следующей главе отмечаем: **Котóрыя же кли́мы та́коже подро́гон странѣ Равнѣтелеа накланяютсѧ кюгѸ, тѣми же именьи именьемы сѣть** (Син. 19, 5об) ← *Quae autem Climata tantundem ab altero Aequatoris latere tendunt in Austrum, iisdem nominibus exprimunt* (Introductio ad Cosm.). Мы получаем еще одно доказательство трансформации переводческой стратегии при переходе от «Вводения в Космографию» к основной части Атласа Блау.

Анализ синтаксической организации перевода Атласа выявил некоторые особенности использования **служебных средств** в нем (**параграф 3.5**). Сопоставление с другими переводами с латинского языка периода XV–XVII вв. дает возможность сделать следующие выводы:

1) ученые переводчики стараются строже следовать соотношению разрядов союзов в латинской и церковнославянской грамматиках, стремясь к передаче не только смысла, но и формального параллелизма союза;

2) для некоторых союзных средств выстраиваются синтаксические условия использования в церковнославянском тексте; так, союз **ниже** (*nes, neque*) используется в присоединительном значении, но не как отрицательный разделительный союз;

3) фиксируется ориентация на наиболее книжный вариант из числа перечисленных в ГМ: из «недоуметельных» не используются **чи, чили, ли**, широко распространен редкий **ѣда** в значении ‘разве, ли, не...ли, иначе’: Cotrovertitur inter scriptores, an Danubius Nilo praestet, an Nilus Danubio (Danubius 69b) → **Любопритсѧ, межѸ писатели, ѣда ДѸнаи НилѸ преиздѣществѣетъ, или Нилъ ДѸнаю** (Син. 19, 190 об).

Параграф 3.6 описывает использование в переводе **оборота «дательный самостоятельный»** (ДС), который характерен как для стандартного, так и для

гибридного регистров церковнославянского языка и кодифицирован в ГМ (302). В Атласе Блау Славинецкий и Сатановский широко используют ДС, опорной в латинском тексте является конструкция Ablativus absolutus: **Ū востѡка же ѿИндискаго мѡра часть вса ѿмѡре Хвалѣнское вплываѡцаа Македонскими рѡтми славна, Царствѡуща Селѣвкѡ и Антиохѡ** (Син. 19, 12об) ← ab Ortu vero ex Indico Mari partem totam in Caspium vergentem Macedonum armis innotuisse, *Seleuco & Antiocho regnantibus* (De navig. 2с). ДС используется для передачи одновременности действий, реже встречаются примеры, когда ДС передает значение предшествования.

Главная особенность употребления ДС в переводе Атласа Блау связана с пословным характером перевода. Для оригинальных памятников типична препозиция и постпозиция по отношению к главному предложению, позицией ДС в Атласе может быть любая: оборот может оказаться в интерпозиции и выступать наравне с другими предикативными единицами в составе сложного предложения. Влияние латинского оригинала допускает наличие подчинительного союза в составе ДС: **как Рѡлонѡ хрѣтѣискѡю вѣрѡ пришедѡще Гилѡ женѡ даде** (Син. 112, 58). В переводном сочинении ученого регистра ДС свободно выступает в качестве главной части для следующего придаточного предложения: **запинаѡущѡмѡ, иже втѣсныхъ мѡра мѣстахъ лежаше** (13об). Таким образом, использование ДС в новом регистре книжного языка оказывается организованным сложнее, чем в стандартном и гибридном регистрах; эта сложность базируется на синтаксисе латинского оригинала.

ГМ кодифицирует также **конструкции** accusativus cum infinitivo (308об) и **еже / во еже + inf** (309); обе конструкции отмечены в переводе (**параграф 3.7.**), также как nominativus cum infinitivo, известный книжному языку. Наиболее частотной из конструкций с inf в Атласе является **еже + inf**: **Одерѡ наричѡтъ ѿптицоловецѡ, речѣнѡю измѣншѡса, смотрѣлица во еже птицы ловити поставленнаа одри наричѡтъ** (Син. 19, 87) ← Oderam vocant ab aucupibus vocabulo mutuo, qui speculas avibus captandis constitutas Odri appellant (Moravia 8с). Использование ее базируется на различных латинских конструкциях с герундием и герундивом, нет закрепления строго за одной из них.

Таким образом, грамматическая структура ученого регистра ориентирована на стандартный регистр, лишь на начальном этапе можно говорить о колебаниях книжников и использовании элементов, свойственных гибриднему языку. Грамматическая ориентация переводчиков сочетается с желанием упорядочить некоторые кодифицированные в ГМ нормы; книжники продолжают систематизацию, начатую справщиками московского издания.

Четвертая глава «Орфографические черты ученого регистра» посвящена орфографическим особенностям беловиков томов, переписанных грамотным московским книжником, который принимал участие в обсуждении стратегии перевода текста, реализовал идеи ученых книжников в беловике и стал участником формирования ученого регистра на раннем этапе его построения.

Во-первых, основной писец снимает противоречия между орфографией югозападнорусской и московской, устраняя в беловике орфографические регионализмы черновигов (п. 4.1). Во-вторых, опираясь на орфографические каноны ГМ, он применяет правила, характеризующие московские правописные нормы (п. 4.2): устраняет использование графемы *ѵ*, исключенной в ГМ (п. 4.2.1.); заменяет ненормативное использование *ѡ* на верное *Ѡ* (п. 4.2.2.); подводит распределение графем *ї*/ *и* под предписания ГМ, в том числе верно используя *ї* в позиции приставки перед корнем, начинающимся с гласного (п. 4.2.3.); стремится к верному распределению графем *ѡ*/ *Ѡ* (п. 4.2.5.).

Есть два орфографических правила, которые им не реализованы: 1) нет последовательности в использовании графемы *ѣ* (п. 4.2.6.); 2) не используется правило о букве *Ѡ* в начале слова, которое вводит орфографическую оппозицию *Ѡзыкѣ* 'часть тела' и *ѡзыкѣ* 'народ', характерную для московской орфографической традиции (ГМ, 63), но не знакомую киевским переводчикам.

При этом писец способен отразить те **новации** в орфографии, которые введены Славинецким и Сатановским для Атласа Блау. Ими окажутся, во-первых, расширение использования графемы *Ѡ* в сочетании *ѠѠ* в финалии имен собственных (п. 4.2.4.). В ГМ кодифицировано написание *Ѡ* после гласной (*ѠѠ*), направленное на устранение последствий второго южнославянского влияния; при внесении исправлений в киевские издания московские книжники регулярно исправляли *ѠѠ* на *ѠѠ*: *бѣѠѠѠ*, *полезѠѠѠ*, *сѠѠ* (2) → *бѣѠѠѠ*, *полезѠѠѠ*, *сѠѠ* (208) в

рукописи ГИМ Син. 353, содержащей текст «Поучений» Агапита, скопированный с киевского издания 1627 г. Однако ГМ сохраняет возможность написания **а** после гласной в соответствии с [ja] в антропонимах: **ѡліа, гордіанъ, захаріа** (помещены в виде азбучного списка в конце ГМ, 361–373). Опираясь на это исключение, Славинецкий и Сатановский расширяют его и используют в топонимах: **Сїлєсіа, Моравїа, Лѡсатїа, Вратїславїа, Ліпсіа** (Син. 19, 87об); **Індіа** (Син. 112, 182об); **Натолїа** (Син. 112, 210). Такие написания коррелируют с латинскими *Gothia, Germania*, что дает возможность соотнести текст и карты.

Во-вторых, в ГМ содержится правило о прописной букве, использование которой рекомендовано 1) как маркер начала нового предложения после точки и 2) для выделения слов с определенной семантикой. Церковнославянские тексты середины XVII в. не используют этого правила, тогда как Славинецкий и Сатановский соотносят его с написанием прописной в латинском оригинале, результатом чего становится последовательное введение прописной буквы как в черновых, так и в беловых рукописях (**параграф 4.3.** «Новые правила орфографии в беловых экземплярах Атласа Блау»). Текст Атласа разбит на предложения в соответствии с оригиналом и каждое новое предложение начинается с прописной графемы (**п. 4.3.1**).

Употребление прописной буквы в Атласе Блау оказывается обязательным в следующих семантических группах (**п. 4.3.2**): 1) антропонимы (**Плинїи, Стравинъ, Гаѡвнъ Грамматїкъ; Фїліппъ д̄, Лєхъ первый**); 2) достоинства (**Царь, Прєстатель, Єп̄пъ, Кназь**); 3) государства, страны (**Царство, Кна̄ство, Митрополїа, Єпархїа**); 4) топонимы (**острови Малдїви, Зевлонъ, Ёматра, Молѡккїнскїи острови**); 5) художества и части художеств (**Крѡгъ Арктїческїи, междѡ Степенемъ, къ Полсѡ**); 6) этнонимы (**Амерїкане, Афране, Індане, Єѡїопане**); 7) слова, связанные с религией (**Дєѡс, Θεос, Годт, Богъ** (Син. 19, 22об); **Каѡолїческїи, Лѡѡеранскїи, Пѡрїтане, Єхїсма̀тїки, Пагане** (Син. 19, 22); 8) названия месяцев (**ѡначалъ Марта**); 9) номинации некоторых предметов из числа описываемых природных богатств (**Ослїки, Рѡмви, Телци Морстїи, Мерлѡсіа** (Син. 19, 25) ← *aselli, rhombi, vituli marini, merlusia* (Islandia 8b)).

При этом полного параллелизма с латинским текстом нет, решение о прописной принимается самими переводчиками. В главе «Европа» есть примеры, когда в церковнославянском переводе отмечена прописная наряду со строчной оригинала: **НѢсе раствореніе** (caeli temperiem); **Мати и питателница** (mater ac nutrix); **Скиптри** (sceptra); **ѠКнизѡ Ѡ** (lib.2).

В последней из выделенных выше групп позиции Славинецкого и Сатановского не всегда совпадают. Славинецкий предпочитает использовать прописную букву, даже если в оригинале строчная: **Показѡетъ кто Анѡраѡа, Калаіма, Амѡѡста, Ѡ ослѡ своихъ рѡдныхъ Ѡторженна** (Син. 19, 82 об) - Ostentat praeterea carbunculum, calaim, amethystum, ex cotibus suis metallicis abruptum (Bohaemia ба). В главах, переведенных Сатановским, в основном сохраняется строчная латинского оригинала: **Аромата производитъ различныя, орѡхи мурістікови, масти древо алои, сантѡлъ, зигвіверъ, піперъ и каріофлла** (Син. 112, 190 об) ← Aromata producit varia, nuces myristicas, mastichen, lignum aloes, santalum, zingiber, piper & caryophyllum (I. Moluccae 5a).

Интерес вызывает передача антропонимов, структура которых не всегда точно прочитывается переводчиками. Сложная для них ситуация – это западноевропейское имя, включающее вспомогательные элементы. Латинское *Gubernator est Regis nomine, Franciscus de Melo* (5с) правильно транслитерировано: **Правитель естъ царскимъ именемъ Франкискъ де Мело** (Син. 19, 22). Однако в главе «Дания» видим такое чтение: **Дѡдѡнъ же ѡ стѡмъ Квінтінѡ, писатель древній** (29об), непонятное без латинского источника, в котором: *Dudo autem de S. Quintino, scriptor antiquus* (10a). Переводчик не понял элемент имени собственного *de* (здесь назван Дудо Сен-Кантенский, нормандский хронист и историк нач. XI в.) и передал его неверно.

Правило, введенное в Атласе Блау, для церковнославянской письменности оказалось неактуальным. Но в XVIII в. прописная буква начинает активно использоваться, возникают споры о ее месте и группах слов, в которых она употребляется. Эти споры переходят в XIX в.

Последний раздел главы (п. 4.4.) посвящен **орфографии имен собственных**, в первую очередь **топонимов**, в Атласе Блау. Для их передачи переводчикам Атласа нужно было выработать единую стратегию: топонимы и

гидронимы в текстах должны были даже в кириллическом написании соотноситься с латинскими написаниями на карте.

Славинецкий и Сатановский создают единую схему транслитерации с едиными на всем протяжении текста принципами передачи латинских графем и диграфов. Наибольший интерес связан с передачей графем для обозначения согласных. В Атласе используются все 18 латинских букв, к ним добавляются *w* и *j*. К частотным относятся диграфы *ch*, *ph*, *th*, а также *rh* и *cz*. Отметим передачу некоторых (примеры из разных глав Син. 19 и Син. 112): *f*, *ph* → **Ѵ** (Francofurtum ad Mœsnum → **ФранкоѴртъ оу Мисни**, Erlaphus → **ѴрлаѴъ**); *th* → **Ѳ** (Mar d’Ethiopia → **Мар дел ѴѲіопіа**); *x* → **Ѷ** (Saxonia → **ѶаѶоніа**, Orixa → **ѴриѶа**); *ch* → **Ѳ** (Schetlandia → **ѴѲетландіа**, Cochin → **КоѲинъ**). Единообразие сохраняется в том числе при передаче названий на европейских языках.

Латинская *b* может быть передана как кириллическая **в** или **ѵ**. Во втором случае мы сталкиваемся с грецизацией, которая для Атласа Блау зафиксирована еще А.И. Соболевским: «переводчикъ былъ знатокомъ греческаго языка: гиперворейскій и т. под.; переводчикъ пишетъ: *Velgia* (= Бельгія), *Vosnia*»¹⁰.

Подходы Славинецкого и Сатановского к передаче *b* отличаются. Славинецкий сначала грецизирует все встречающиеся топонимы (Spitsbergen (4a) → **Ѵпітсѵергенъ** (18об), Ambianum (8a) → **Ѵмвіанъ** (26об) и т.д.), а далее пытается распределить их. Территория условной античной ойкумены передается с грецизацией, тогда как в других топонимах (к примеру, в германских главах) используется **ѵ**: Bitsch → **БітсѲъ**, Brisigavia → **Брісігавіа**, Breisach → **Бреісахъ**. Сатановский, напротив, выбирает единообразие в передаче написания *b* и передает его как **ѵ**, тем самым уровень грецизации в его переводе возрастает. К примеру, в главе «Индия» (Син. 112, 182об-185об) находим такие примеры: **Малаваръ, Камводіа, Борнео, Келевесь, Ванда, Віснагаръ, Камваіи, Ведедь** ← Malabar, Cambodija, Borneo, Celebes, Wanda, Bisnagar, Cambaji, Beder.

Мы видим проявление двух разных подходов: грецизацию как единый принцип или попытку распределить материал так, чтобы показать не только

¹⁰ Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV-XVII веков. С. 61.

лингвистические, но и иные ученые знания. Перед нами *пример ориентации на собственную ученость и трансляция ее читателю*.

Индивидуально-авторский способ выработан книжниками для латинской *s*, которая перед *e, i, y, ae, eu, oe* произносится как [ц], в остальных случаях читается как [к]¹¹. Подход киевских переводчиков в Атласе Блау унифицирует передачу *s* перед гласными: во всех позициях она передана буквой **к**, в том числе перед гласными переднего ряда: *Suescia* → **Свекіа**; *Sicilia* → **Сікіліа**, *Cabo S. Vincente* → **Кабо сѣый Вінкентъ** (Син. 19, 21об). Но перед согласными *k* и *x* графема *s* регулярно передается кириллической **ц**: *Wuexsyden* → **Вуцксуден**, *Lomnicx* → **Ломницѣъ** (Син. 19, 27).

Анализ орфографии беловых экземпляров помогает сделать вывод, что ученый регистр, который выстраивался Славинецким и Сатановским, требовал грамотного отражения в беловиках, так как переводчики не хотели потерять тех ученых установок, которые были внесены ими в перевод. Выбор падает на образованного писца, способного выполнить не только орфографические каноны ГМ, но и индивидуально-авторские решения киевских переводчиков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В **Заключении** подведены основные итоги исследования, в ходе которого были рассмотрены шесть из семи сохранившихся рукописей, представляющих перевод Атласа Блау. Лингвистическую ценность представляют в первую очередь четыре из них: черновики, автографы Елифания Славинецкого и Арсения Сатановского, и сделанные с них беловики, поскольку именно в них реализован *ранний этап формирования ученого регистра церковнославянского языка*. Черновик Исаяи отражает собственный подход автора, беловик этого тома (Син. 204) после анализа работы писцов был исключен из числа отражающих ученый регистр. Важная лингвистическая информация извлечена при сравнении беловика 1 тома с сохранившимися списками «Ввождения в Космографию» второй половины – конца XVII в.

¹¹ *Соболевский С.И.* Грамматика латинского языка. Теоретическая часть: морфология и синтаксис. М., 1948. С. 8.

Проведенное впервые комплексное исследование Атласа позволяет уточнить время создания перевода и предложить лингвистически обоснованную гипотезу о характере работы над ним. Реконструкция доказывает, что середина XVII в. – это время ученых дискуссий, обсуждения разных лингвистических стратегий; сделанный в 1652–53 гг. перевод первых двух томов Атласа Блау непосредственно предшествовал книжной справе.

Из этого следует, что справу предваряла серьезная филологическая работа с текстами разного содержания. Опыт перевода Атласа Блау не мог не проявиться в дальнейшей филологической практике 50–60-х гг. XVII в., которая знаменует важный этап в истории церковнославянского языка позднего периода его существования и русского литературного языка второй половины XVII и начала XVIII вв. Таким образом, перевод Атласа Блау имеет принципиальную лингвистическую значимость.

Грамматическая ориентированность ученого регистра церковнославянского языка подтверждается сопоставлением перевода Атласа Блау с грамматиками церковнославянского языка XVII в. Грамматические поиски книжников позволяют говорить о понимании ими принципов упорядочения грамматической системы, предпринятой редакторами московской грамматики 1648 г., в результате чего это издание становится основой орфографической, морфологической и синтаксической нормы книжного языка Московской Руси второй половины XVII в. Результаты филологических изысканий Епифания Славинецкого воплотятся им во время книжной справы, фактическим руководителем которой он являлся.

Особенности языка Атласа Блау на фоне других книжных памятников второй половины XVII в. были отмечены еще в XIX в. А.И. Соболевским и названы им «ученым церковнославянским» языком, предлагаемое нами вслед за В.М. Живовым определение «ученый регистр» позволяет точнее обозначить языковые характеристики памятника. Усиление интереса к текстам научного содержания в XVII в. не приводило к изменению языковых характеристик. Однако переводчики Атласа Блау обладали высоким уровнем образованности, понимали место переводимого материала в системе средневековых наук, знали грамматику латинского и церковнославянского языка, что позволило им на базе стандартного церковнославянского языка осуществить попытку создания нового регистра, который должен был стать основой для научных сочинений.

Славинецкий и Сатановский были филологами, а не географами и астрономами, поэтому невозможно говорить об их ученой деятельности как о начальном этапе развития языка науки. Ученый регистр остается востребованным переводчиками научных сочинений второй половины XVII – начала XVIII вв. и прекращает свое существование вместе с отказом от церковнославянского языка для таких текстов, но некоторые его принципы используются позже первыми русскими учеными начиная с М.В. Ломоносова.

Введение перевода Атласа Блау в лингвистический оборот способствует серьезному расширению лексикографических данных о периоде второй половины XVII в., поскольку индивидуально-авторские решения Славинецкого и Сатановского серьезно расширяют словник исторических словарей. Включение лексики Атласа в словари позволит иным образом интерпретировать тот материал, который зафиксирован в них на сегодняшний день. Такая коррекция изменит также представления о формировании литературного языка в первой четверти XVIII в., позволит с новых позиций взглянуть на язык Петровской эпохи.

Опора на грамматические сочинения объединяет язык Атласа Блау с текстами стандартного регистра церковнославянского языка, а лексические поиски, эксперименты образованных книжников выделяют сочинение научного содержания из жанрово схожих текстов. Эксперименты позволяют переводчикам ввести в число научных текстов лексиконы, положив начало объединению грамматики и словаря как основных компонентов, отражающих языковую систему.

Атлас Блау представляет собой ценный источник, отражающий лингвистические поиски второй половины XVII в. Многие идеи, впервые реализованные в Атласе Блау, будут повторяться позднее представителями Чудовской книжной школы – как самим Елифанием Славинецким, так и его учеными последователями. Влияние этого перевода на церковнославянский язык позднего периода его существования в качестве русского литературного языка оказывается весьма значительным, несмотря на то что сам текст не вошел в число наиболее читаемых географических сочинений второй половины XVII в.

Список работ, опубликованных по теме диссертации
Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях,
рекомендованных для защиты в диссертационном совете Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова по специальности
5.9.5. Русский язык. Языки народов России

1. *Николенкова Н.В.* Церковнославянский перевод Атласа Блау: нерешенные вопросы // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2010. № 6. С. 86–98. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,144. (0,5 п.л.).

2. *Ремнева М.Л., Николенкова Н.В.* Двойственное число в церковнославянских текстах переходного жанрового характера (конец XVI – XVII век) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 1. С. 50–61. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,144. (0,6 / 0,3 п.л.).

3. *Николенкова Н.В.* Поприще vs верста в церковнославянском тексте XVII в. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 6. С. 58–70. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,144. (0,7 п.л.).

4. *Николенкова Н.В.* Орфографические особенности двух рукописей XVII века: об авторстве черновика и беловика // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 1. С. 9–20. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,260. (0,8 п.л.).

5. *Николенкова Н.В.* К характеристике грамматической нормы церковнославянского перевода «Атласа Блау» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2016. № 2. С. 51–62. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,144. (0,9 п.л.).

6. *Николенкова Н.В.* Союзы в церковнославянских переводах с латинского языка XV–XVII вв.: дополнения к историческим словарям // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 1. С. 190–203. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,144. (0,8 п.л.).

7. *Николенкова Н.В.* Место перевода «Атласа Блау» в формировании лингвокультурологической ситуации кануна петровских реформ // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 6. С. 32–43. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,144. (0,7 п.л.).

8. *Николенкова Н.В.* Лексическая структура перевода Атласа Блау как образец ученого церковнославянского языка XVII в. // Мир науки, культуры,

образования. 2017. № 4 (65). С. 308–313. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,421. (0,9 п.л.).

9. *Николенкова Н.В.* Употребление прописной буквы в практике письма на фоне формирования орфографической нормы в XVII веке // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2018. № 6. С. 3–10. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,260. (0,6 п.л.).

10. *Николенкова Н.В.* Переводческая деятельность в московском Чудовом монастыре: новые данные о кружке Епифания Славинецкого // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2018. № 6. С. 77–91. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,144. (0,8 п.л.).

11. *Николенкова Н.В.* «Диатриба о языках европейцев» Иосифа Юста Скалигера в церковнославянском переводе XVII века // *Slověne. International Journal of Slavic Studies*. 2018. Том 7, № 2. С. 105–133. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,284. (1,4 п.л.).

12. *Николенкова Н.В.* Античная география в латинском тексте Атласа Блау и в церковнославянском переводе XVII в. // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71). С. 500–505. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,421. (0,8 п.л.).

13. *Николенкова Н.В.* Справа киевского издания в Москве в середине XVII в. как иллюстрация этапа формирования московской орфографической нормы // Русский язык в научном освещении. 2019. № 2 (38). С. 102–120. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,233. (1,1 п.л.).

14. *Николенкова Н.В.* Система имен в переводе «Атласа Блау» и рекомендации грамматик церковнославянского языка // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2023. № 6. С. 19–29. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,144. (0,7 п.л.).

15. *Николенкова Н.В.* Первый этап формирования русской научной терминологии: предшественники М.В. Ломоносова // Русская речь. 2024. № 1. С. 70–81. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,348. (0,7 п.л.).

16. *Николенкова Н.В.* Глоссирование или вариативность: о подходах Епифания Славинецкого и Арсения Сатановского к переводу Атласа Блау // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2024. № 5. С. 67–76. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,144. (0,6 п.л.).

Публикации в других научных изданиях

17. *Николенкова Н.В.* «Вводение в Космографию» в переводе XVII века как источник дополнений к историческому словарю // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Выпуск 4, часть 1. Сборник трудов Всероссийской научной конференции (Вологда, 21–23 сентября 2010 года). Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 2010. С. 56–60. Импакт-фактор отсутствует. (0,4 п.л.).

18. *Николенкова Н.В.* Формирование научного языка XVII–XVIII вв.: предшественники М.В. Ломоносова // Ломоносовский сборник / под общ. ред. М.Л. Ремневой. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 30–39. Импакт-фактор отсутствует. (0,7 п.л.).

19. *Николенкова Н.В.* Архаизмы и грецизмы как признак научного стиля церковнославянского языка XVII века // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. 2013. № 4. С. 122–126. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,509. (0,4 п.л.).

20. *Николенкова Н.В.* Стратегии формирования церковнославянского языка как языка науки в XVII в. (на примере перевода Атласа Blaeu) // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 21–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации / Отв. ред. А.М. Молдован, С.М. Толстая. М.: Индрик, 2013. С. 590–609. Импакт-фактор отсутствует. (1 п.л.).

21. *Николенкова Н.В.* Механизм транслитерации топонимов в переводческой практике XVII века // Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav). Band 17. München – Berlin – Washington: Verlag Otto Sagner, 2014. P. 132–139. Импакт-фактор отсутствует. (0,8 п.л.).

22. *Николенкова Н.В.* Описание рыб в церковнославянском переводе географического атласа середины XVII в.: реалии или мифы? // Риторика бестиарности: сб. статей. / Сост. А.Л. Львова, О.Л. Довгий. М.: Intrada, 2014. С. 137–143. Импакт-фактор отсутствует. (0,7 п.л.).

23. *Николенкова Н.В.* Грецизмы в церковнославянском переводе латинского текста XVII века как этап становления переводческой школы Епифания Славинецкого // Перевод как средство взаимодействия культур. 2015. № 1. С. 221–229. Импакт-фактор отсутствует. (0,6 п.л.).

24. *Николенкова Н.В.* О слове «география» и его первом употреблении в истории русской письменности // Мир русского слова. 2015. № 1. С. 14–18.

Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,422. (0,5 п.л.).

25. *Николенкова Н.В.* «Киевская» и «московская» орфография середины XVII в.: о выработке единой нормы в период книжных справ // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Международная конференция (V Бодуэновские чтения): Труды и материалы. В 2 томах. Том 1 / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2015. С. 243–225. Импакт-фактор отсутствует. (0,3 п.л.).

26. *Николенкова Н.В.* Русская географическая терминология во «Вводении в Космографию»: Лингвистический аспект // Историческая география. Т. 3 / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М.: Аквилон, 2016. С. 108–145. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,250. (2 п.л.).

27. *Болычева Е.М., Николенкова Н.В.* Правила переноса в истории русской письменности и в современности // Stephanos. 2017. № 6 (26). С. 48–59. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,220. (0,8 / 0,4 п.л.).

28. *Николенкова Н.В.* Славяно-латинские composita в переводе Атласа Блау // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Труды и материалы Международной конференции. В 2 томах. Том 1 / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Д.А. Мартьянова, Г.А. Николаева. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2017. С. 215–218. Импакт-фактор отсутствует. (0,3 п.л.).

29. *Николенкова Н.В.* Сложные слова и механизм их образования в церковнославянском переводе Атласа Блау // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. 205-летию со дня рождения И.И. Срезневского. Сборник статей Международной научно-практической конференции, 21–23 сентября 2017 г. / Ред. Колгушкина Н.В., Никитин О.В., Хрусталева И.Н., Чернышева М.И. Отв. ред. Осипова Е.П. Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 2017. С. 57–64. Импакт-фактор отсутствует. (0,7 п.л.).

30. *Николенкова Н.В.* «Писатель» как «творец» в ученом регистре церковнославянского языка XVII в.: дополнения к историческому словарю // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы. Труды и материалы международной конференции. В 2 т. Т. 2 / Под общ. ред. Е.А. Горобец, О.Ф. Жолобова, М.О. Новак. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный

университет, 2018. С. 136–139. Импакт-фактор отсутствует. (0,3 п.л.).

31. *Николенкова Н.В.* Глагол *числити* в переводе Атласа Блау: об одном наблюдении В.А. Богородицкого // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы. Труды и материалы международной конференции. В 2 т. Том 1 / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Э.А. Исламовой. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2018. С. 160–163. Импакт-фактор отсутствует. (0,3 п.л.).

32. *Николенкова Н.В., Преснова Н.В.* Отражение грамматических структур латинского оригинала в церковнославянском переводе Атласа Блау // *Stephanos*. 2019. № 2 (34). С. 111–117. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,220. (0,7 / 0,6 п.л.).

33. *Николенкова Н.В.* К истории слова «гражданин» в XVII веке // Русский язык: история, диалекты, современность. Сборник научных статей, посвященный 80-летнему юбилею профессора Льва Феодосьевича Копосова / Сост. Л.Ф. Копосов, Ю.В. Коренева, О.В. Ряховская. М.: ИИУ МГОУ, 2020. С. 105–112. Импакт-фактор отсутствует. (0,7 п.л.).

34. *Николенкова Н.В.* Оформление границы предложения в церковнославянском тексте середины XVII века // *Stephanos*. 2021. № 2 (46). С. 83–89. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,220. (0,6 п.л.).

35. *Николенкова Н.В.* Об индивидуально-авторском значении лексемы «благоговение» в русском литературном языке XVII века: дополнение к историческому словарю // *Stephanos*. 2023. № 3 (59). С. 37–46. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,220. (0,7 п.л.).

36. *Николенкова Н.В.* Авторские неологизмы в переводе «Атласа Блау» как признак ученого регистра церковнославянского языка // Аспекты описания русского языка: диахрония и синхрония: коллективная монография / О.Н. Григорьева, В.В. Каверина, А.Б. Коконова, Е.И. Литневская, И.В. Мухачева, Н.В. Николенкова, В.С. Савельев, Г.А. Филатова, Ю.В. Шатин, М.В. Шульга; отв. ред.: М.Л. Ремнева, В.С. Савельев; сост. И.В. Мухачева. М.: Издательство Московского университета, 2024. С. 27–36. (9 / 0,7 п.л.).